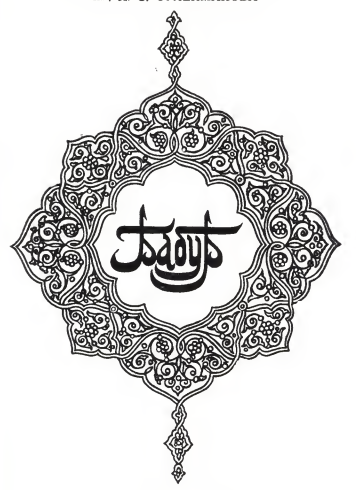
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
им. Х. С. СУЛЕЙМАНОВА



1 КНИГА

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1982

Составитель
САИДБЕК ХАСАНОВ

Ответственный редактор
АЗИЗ КАЮМОВ

ЗАХИРИДДИН МУХАММАД БАБУР*
(1483—1530)

Известный узбекский поэт, большой ценитель и покровитель науки, искусства и литературы **Захириддин Мухаммад** Бабур за свою короткую 47-летнюю жизнь оставил богатое литературное и научное наследие. Его перу принадлежат знаменитое «Бабур-наме», снискавшее мировую признательность, оригинальные и прекрасные лирические произведения, содержательные трактаты по музыке, рифме, просодии, военному искусству.

Поэтическое наследие Бабура многогранно и богато. В его стихотворениях реалистически отражены исторические события эпохи, его личная жизнь, окружающая среда, отношение к человеку, религии, обычаям и нравам времени.

Можно сказать, что стихи Бабура — автобиография поэта, в которых поэтическим языком, трогательно излагаются глубокие чувства, мастерски рассказывается о переживаниях, порожденных в результате столкновения с жизненными обстоятельствами.

Основу поэзии Бабура составляют стихи любовно-лирического содержания. Одной из важных сторон его творчества является воспевание подлинно человеческой, земной, реальной любви. Лирика поэта пропитана вдохновенной поэзией Алишера Навои. В своих газелях и рубаи он поднимает такие проблемы человеческих отношений как любовь, дружба, стремление к прекрасному. Земную любовь поэт воспевает как самое высокое человеческое достоинство.

Бабур утверждает, что ради свидания с возлюбленной он готов вынести любые трудности. Без своей возлюбленной он не представляет себе жизни. С большой искренностью поэт выра-

---

* Настоящее издание подготовлено на основе сборника «Бабур. Избранные сочинения», опубликованного в 1959 г. Академией наук УзССР (составители С. Азимджанова, А. Каюмов) с дополнением газелей и рубаи в переводах А. Наумова и С. Н. Иванова.

жает готовность пожертвовать ради любви самим собой, всем своим существом.

Без лунолнной не светло от солнечного света,
Несладон сахар без нее, чья сладость мной воспета.
Без тонностанной — инпарнс мне грудь стрелой пронзает,
Без розолнной — нет у роз ни запаха, ни цвета.
Что стану делать я в раю? Хочу быть с нею рядом,
Зачем же мне другой прнют в садах другого света?
Пусть голову нз-за нее, тебе, Бабур, отрубят,
Но иевозможно оторвать от мнлой сердце это!

(Перевод Р. Д. Морана).

Любовь для Бабура — верность, предапность, благородство и человечиость. Он ставит ее превыше всего: богатства, общественного положения и всех земных благ. Поэт в своих совершенных газелях создает образ прекрасной возлюбленной, наделяя ее небывало красивой внешностью, богатым внутренним содержанием, духовным совершенством. При этом он умело использует оригинальные художественные средства.

Мне ирасавнца эта, чья плоть тан иежна, — нужна,
Словно солнце, чьнм светом душа зажжена, нужна.
Мне, упавшему нпц, не михраба священный свод —
Эта бровь, что нсиусннцей насурмлена, нужна.
С головою, о сердце, простнсь, — нль влюбленных путь
Обходн, иоль тебе иепременно она нужна.
Всяннй павшнй и ногам ее, может и устам прнпасть,
Коль ему лишь могнла для вечного сна нужна.
Что с того, что с тобой непрнветлнвы все, Бабур?
Ведь тебе лншь улыбиа подругн одна нужна.

(Перевод Р. Д. Мораиа).

Воспевая искренние чувства любви, утверждая земиую человеческую любовь, Бабур подвергает резкой критике ханжество фаиатичных шейхов и аскетов, фактически выступает против мрачных догматиков. Адское пламя по сравнению с огнем разлуки кажется ему искоркой:

Еслн б я знал, что разлуна убьет меня злая,
С мнлой до смерти я жнл бы, печалн не зная.
Адом пугают... Но перед пожаром разлуин
Адсиое пламя не больше, чем исира простая.

(Перевод Р. Д. Морана)

В лирике Бабура особое место занимает тема родины. В его стихотворениях, особенно в четверостишиях, с большой впечатляющей силой выражены тоска по родине и беспредельная любовь к ней.

Ты на чужбнне — н забыт, иоиечно, человеи!
Жалеет тольио сам себн сердечно человеи.
В своих скнтаиьях нн на час я радостн ие знал!
По мнлой роднне сиорбнт извечно человеи.

(Перевод Р. Д. Морана).

В поэзии Бабура также затронуты вопросы нравственности и духовного совершенства человека. Поэт возвышает человека, относится к нему с великим уважением, высоко ставит человеческое достоинство. Он отвергает то, что противоречит этому. По мнению Бабура, эгоизм, самолюбие, жадность, тщеславие — негодные качества, губящие человека. Поэт дает искренние советы людям. В своих рубаи он говорит о том, как человек должен воспитывать в себе лучшие моральные качества.

Затрагивая эту тему, поэт главное назначение человеческой жизни видит в добре, великодушии, благородстве и честности. Дружбу он считает самой важной стороной человеческого качества и мощной силой в борьбе с врагом.

Говоря о художественном языке произведений Бабура, необходимо отметить его простоту, общедоступность, ясность и сжатость. Поэт не любит громких фраз и сложных выражений. Простота языка Бабура способствует ясному восприятию читателями его творений, богатой палитры чувств и переживаний.

Бабур призывает избегать бессмысленной болтовни, выражать свои мысли кратко, четко и просто, не употреблять таких слов, которых человек сам не понимает. В частности, он отмечает: «Пиши проще, ясным и чистым слогом: и тебе меньше будет труда и тому, кто читает».

Безусловно, эти строки из «Бабур-наме» свидетельствуют о том, что поэтическое мастерство Бабура оказало глубокое и ощутимое влияние на живописный язык его прозаического произведения, что придало ему большую художественную красоту и всеобщую известность.

Поэтическое мастерство Бабура выражается в художественно-литературном стиле и умелом использовании наиболее выразительных средств родного языка и в творческом воссоздании источников народного творчества.

* * *

Среди научных трудов особое место в развитии восточной филологии сыграл его трактат о просодии —«Трактат об арузе»— результат внимательного и профессионального изучения поэтических основ поэзии, критического освоения ее достижений. Бабур обогатил теорию просодии новыми зафиксированными им явлениями, положениями и обобщениями, развил классификацию ее видов и вариантов. Он аргументирует свои взгляды материалами из арабской, персо-таджикской и тюркской поэзий. Этим ученый показывает не только взаимосвязь и взаимовлияние поэзий, но и демонстрирует широкий диапазон и неисчерпаемую поэтическую возможность стихотворства тюркоязычных народов. Продолжая традиции Алишера Навои, он придавал большое значение народной поэзии. Его сочинение содержит ценные сведения о жанрах народного песенного искусства и интересные этнографические материалы.

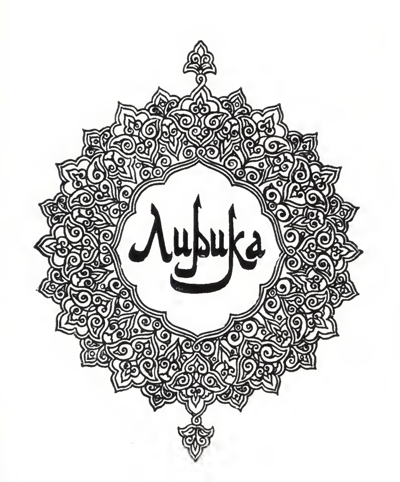
В примерах метров аруза Бабур использовал ценные произведения более 60 поэтов, творивших в X—XVI вв. Следовательно, его трактат является в известном смысле и антологи-

ей, содержащей новые сведения и материалы по истории литературы средних веков. В настоящее издание включен отрывок из этого произведения Бабура. Полный перевод «Трактата об арузе» на русском языке будет опубликован отдельно.

Изучая жизнь и творчество Бабура, мы, безусловно, не должны забывать, что он жил в эпоху феодализма, был представителем высшей аристократии и защищал ее интересы. Поэтому в лирике поэта встречается немало строк, отражающих эти взгляды. Однако, как верно отмечал академик В. Ю. Захидов, Бабур не был поверхностным созерцателем общественной жизни и истории, он стремился анализировать события и явления, высказать свои взгляды, выразить волновавшие его мысли и чувства. А эти мысли и чувства были направлены на служение принципам добра и справедливости, правды и красоты.

Бессмертные художественные и научные произведения Бабура выдержали испытание временем и вошли в историю узбекской литературы как достояние культуры узбекского народа. В наше советское время произведения поэта приобрели новую жизнь и продолжают служить делу духовного обогащения советского человека.

С. Хасанов


Лирика

ГАЗЕЛИ

1

Я наперсницы, кроме души своей,— не нашел,
Бескорыстней, чем сердце свое,— друзей не нашел.

В человеческом сердце я столько ран не видал
И сердечного плена нигде страшней не нашел.

Поневоле терплю я разлуки ад: сам себя
Я достойным для рая свиданья с ней не нашел.

Что же делать? Отправлюсь опять стучать в этот рай,
Хоть нигде неприступных таких дверей не нашел.

Приучись без подруги своей век прожить, о Бабур,
Если верности ты на земле на всей не нашел.

2

Я без тебя весь пожелтел, словно осенний листок поблёк.
Щеки твои — алый тюльпан, строен и тонок стан-стебелёк.

Как ты горда, роза моя, как равнодушна к боли моей!
В прах я упал к милым ногам, словно осенний желтый листок.

Роза моя, вечно цвети,— славен тобою жизни цветник.
Не увядай, хоть бы меня ветер печали на смерть обрёк.

Кровь моих слез, лица желтизна людям, как осень, стали страшны,
Но от людей сам я давно, слава аллаху, очень далёк.

Что за судьба выпала мне? Каждый находит счастья звезду,
Неба тетрадь я излистал — этой звезды найти я не мог.

Что мне хула, что мне хвала, что мне, Бабуру, мненье людей?
Цену познав злу и добру, в мире земном я так одинок!

3

Клятвы твои, твои обеты — где это всё?
Ласки твои, любви приметы — где это всё?

Я от тебя ушел в смятенье — вспомнила ль ты,
Где твой Меджнун[1], где страсть поэта? Где это всё?

Речи твои лекарством были скорбной душе,
Где же теперь лекарство это? Где это всё?

Как же тобой забыт так скоро бедный Бабур?
Клятвы твои, любви обеты — где это всё?

4

О, приди! Жить в могиле разлуки до каких мне пор без тебя?
О, доколе еще этой муки мне терпеть позор без тебя!

Если б снова сверкнули два солнца, два глаза твоих предо мной!
Пусть ослепну от света, но только б не потух мой взор без тебя.

Если б кудри твои мне увидеть — и смятенным стать навсегда!
Но мечта затевает напрасно против яви спор без тебя.

Я люблю тебя так, что вошел бы даже в ад с тобой, словно в рай,
Но и в рай не заманишь Бабура: наслажденье — вздор без тебя!

5

Не зевай, виночерпий, весна коротка — торопись!
Дай вина покраснее, но из погребка торопись!

Не дано человеку в свой завтрашний день заглянуть —
Если жив ты сегодня, будь весел пока — торопись!

---

[1] Меджнун — герой поэмы Низами «Лейли и Меджнун»; нарицательный образ несчастного влюбленного.

В том свиданье блаженство, когда ты с любимой вдвоем:
Без соперника встреча легка и сладка — торопясь!

Против силы печали — одно только средство, Бабур:
Пей вино и рассеять печали войска торопись!

6

Весело мы пировали вчера! Всем на пиру таком хорошо!
Очень приятные гости сошлись, каждый мне был знаком
хорошо!

Благопристойно беседа велась, не было глупых, путаных слов,
Здравицы произносились красно, кто-то блеснул стишком
хорошо.

Хоть не заморское было вино, крепость его отменна была.
Время бежало между одним и меж другим глотком хорошо.

Музыка, пенье, сласти, вино,— не было недостатка ни в чем.
Не было скуки! Устроен был пир истинным знатоком хорошо.

Люди хмелели, шумели, у всех пьяной слезой туманился взгляд.
Эти — от хохота плачут, а те — давятся жирным куском...
хорошо!

Стали друг друга по-пьяному чтить, лбом об лоб усердно стуча.
Спутались головы, ноги... Весь дом вертится кувырком...
хорошо!

Новая полночь настала — гостям время пришло идти по домам.
Трезвому — лучше в седле восседать; если подвыпил — пешком
хорошо.

Я же, собой не владея, уснул, чувствую — кто-то будит меня:
Месяцеликая пери, чей взгляд все мне открыл тайком хорошо!

Милые гости, простите меня, если сболтнул я глупость вчера:
Выпил Бабур. И царю простаком стать порой под хмельком
хорошо!

7

На чужбину заброшен, жестокой судьбой угнетенный, прошу:
Помяни хоть в молитве меня — от тебя отлученный, прошу.

Беззаветность любви, безграничную верность тебе доказав,
Только памяти доброй твоей, злой разлукой казненный, прошу.

Если в бездну страдания ввергнул меня мой китайский кумир,
Вся надежда на бога — и воли его благосклонной прошу.

Мне в разлуке ни радости нет, ни забвенья хотя бы на миг.
Без любимой не жизни, а смерти, смертельно влюбленный,
прошу.

Моему кипарису привет от Бабура снеси, ветерок,
Прах пред ним поцелуй — так я, заживо здесь погребенный,
прошу.

8

Как я сонное счастье свое разбудить, о боже, хочу!
Этот гибкий, податливый стан я обвить на ложе хочу.

К этим сладкоречивым губам как хочу губами припасть!
Эту розоподобную плоть целовать до дрожи хочу.

Словно солнце — лицо... нет, Бабур! Новолунья — брови...
стыдись!
Я сравненья такой красоте подыскать дороже хочу!

9

Пришла весна — и снова степь, как райский сад, цветет.
Кто наслаждался и зимой и летом, счастлив тот.

О чем дутар звенит, о чем поет певец? Пойми:
Они сулят блаженство тем, кто сбросил груз забот.

Любимая, ты — Мекка мне, тебе поклоны бью.
Молчи, ханжа! Твои уста — источник нечистот!

Не только нежность, но и гнев любимой, даже брань —
Благодеянье для тебя, о сердце-сумасброд!

10

Кто больше, кто был жесточе судьбой избит на земле?
Кто больших, горших изведал ее обид на земле?

Я вновь тобою унижен, соперник мой вознесен,
Но в мире ложь торжествует, правда скорбит на земле.

Несправедливое солнце! Чем ты меня воскресишь?
Найдется ли благородство, верность и стыд на земле?

Едва познал я влюбленность, свою увидел я смерть.
Какой же страх еще больший меня устрашит на земле?

Пойми, что недаром жаждет иного мира Бабур:
Какой услады напиток не ядовит на земле?

11

Я узнал тебя, украшенье вселенной,— увы, зачем?
Отщепенцем стал, жалкой тварью презренной — увы, зачем?

На ветвях любви лишь раскаянье зреет, обида, боль.
Я открыл тропу в сад любви вожделенной — увы, зачем?

Ни очей ее, ни речей, ни улыбок не знать вовек!
Даже слово «страсть» в жизни, тягостно бренной,— увы, зачем?

Так займись, Бабур, чем угодно, отныне — забудь любовь!
Хмель надежд и похмелья чад неизменный — увы, зачем?

12

О какой клевете говорить? Все дела соперников — ложь.
И какую мне рану открыть? Ты меня изранила сплошь!

На какие блужданья роптать всей моей заблудшей судьбе?
Колеса злоковарных небес ты с кривых путей не сведёшь.

О какой мне поведать тоске, о каком опасенье кричать?
Кровожадной разлуки рука ведь уже вонзила свой нож.

Если в собственном даже краю ты забыто милой своей,
На чужбине, о сердце мое, неужели верность найдёшь?

Что соперника злоба тому, кто от милой так пострадал?
Если роза так больно язвит, то чего от терния ждёшь?

13

Как лепестки розы, полно сердце мое все кровью до дна,
Вёсны придут, вёсны пройдут,— сердца весна, увы, не видна!

Выйду весной в сад погулять без лукобровой пери моей,
На кипарис только взгляну — будто стрелу вонзила она.

Что мне весна, что мне цветы? Кудри любимой — как гиацинт.
Роза — лицо, стан — кипарис, вся, как весна,— мне пери одна!

Трудно снискать милость ее, радости встреч ты с нею не жди.
Но за одну встречу легко может быть ей вся жизнь отдана.

Вкруг головы пери своей в жизни порхать ты думал, Бабур.
Труп мой несут мимо нее — роза в окне рыдает, бледна.

14

Клянусь, что и день в разлуке мне быть с тобой нелегко,
Но ладить с тобой, как с темной моей судьбой, нелегко.

Твой нрав прихотлив, ты очень резка, а я сумасброд,
И чести мужской униженной стать рабой нелегко.

Что плач мой, что стон, коль счастье мое, как мертвое, спит?
Не только мольбой — его разбудить пальбой нелегко.

Сто тысяч врагов повергнуть во прах нетрудно, Бабур,
Прожить без любви, будь ты и герой любой, нелегко.

15

Что о судьбе думать моей? Слишком всесильна печаль,
Где же приют сердцу найти? Ехать в какую мне даль?

Пьяный вертеп, божий ли дом — все предо мной на замке.
Здесь постучусь, там постучусь — разве бездомного жаль?

В мире земном что мне сказать жалкой породе людской?
Слушать их речь? Но человек — или невежда, иль враль.

Что тебя ждет в мире земном, лучше, Бабур, не гадай!
Что суждено, то суждено! А в размышленьях — печаль!

16

Я томлюсь, зачарован твоим разноцветным платком,
Душ томящихся нити, наверное, собраны в нём.

К розам щек он порой приникает, и не потому ль
Он зовется «сплетающим розы» и «роз цветником»?

Он с лужайкою схож, что фиалками сплошь заросла,
Где колючек лишенные розы теснятся кругом.

Сотням — скорбь, сотням тысяч — безумье принес твой платок,
Ибо он твоих губ не однажды касался тайком.

О подруга, к мечу привяжи свой платок, и тогда —
Не беда, если сердце мое ты разрубишь клинком!

Будет счастлив Бабур, если даже, мелькая вдали,
На него твой платок лишь повеет слегка ветерком.

17

Пусть эта любовь сулит одно лишь страданье мне,
От милой не отрекусь — больней расставанье мне!

Как быть с подругой такой? Другому она верна,
Неверностью отравив существованье мне.

Что странного в том, что я мгновенно безумным стал?
Ведь послано вдруг судьбой такое созданье мне.

О лекарь, немощь моя все горше от горьких слез,
Увы, даже воздух здесь стесняет дыханье мне.

Ты видишь: недуг любви таится в душе моей,
И ты исцеленье дать не в состоянье мне.

Возлюбленного выбирать подруга сама вольна,
Сердиться в конце-концов нет основанья мне.

Бабур, ты во все глаза глядишь на ее тропу:
О, если бы хоть одно досталось свиданье мне!

18

О, если и в день свиданья я сломлен судьбой моей,
Не диво, что ночь разлуки мне смерти самой страшней.

И радуясь, помни, сердце, что кудри ее черны,
Ты черных ночей разлуки бойся в дни встречи с ней.

Ты в пасти дракона, помни; с опаской всегда смотри
На ямочку подбородка — колодца казни грозней.

Ведь если забыт тобою бутон этих алых губ,
От раны какой кровавой ты стало розы красней?

Наверное, весть от милой подобна чуду Исы[1]:
Душа возвратилась в тело, что мучалось столько дней.

Не родинки под кудрями пленяют тебя, Бабур:
То зерна в силке для поимки птицы души твоей.

19

К чему мне райский кипарис, когда твой стан передо мною?
Что с гиацинтом делать мне, плененному кудрей волною?

Кто станет воду Хызра[2] пить, когда уста твои так близки,
И кто Мессии речь сравнит с твоей беседою живою?

Приди к влюбленному, его предметом зависти ты сделай,
Как возбуждаешь зависть ты в подругах, славных красотою.

На шумных пиршествах, в толпе, вдали от нас ты веселишься,
Но, радости вкушая хмель,— и нас ты вспоминай порою.

Что мне людских насмешек яд — ведь есть услада уст
любимых,
Чья влага может оживить плоть, разлученную с душою?!

В любви позора не страшись. Чтоб зваться истинным
влюбленным,
И честью ты пренебреги, и доброй славой, и молвою!

Бабур, ты, словно соловей, нашел приют у этой розы,
Так пой же, если ты избрал себе пристанище такое!

20

Избавился от мира я: мне смертный сон послал творец.
Когда соскучитесь, друзья, я вам приснюсь, ваш друг-певец.

Подвижничество, распри, труд — какая это суета!
Какой бы ни была судьба — у жизни есть один конец.

---

[1] Иса — Иисус; здесь намек на воскрешение мертвого.

[2] Хызр — легендарный пророк, якобы нашедший источник живой воды.

Сей измельчавший, бренный мир, пойми, не стоит наших слез
Утрату жалких благ земных оплакивает лишь глупец.

О сердце, кто еще в наш век, как я, испытан мерой мук,
И так измучено, как ты, какое из людских сердец?

Ни на мгновенье, о Бабур, не отдыхал ты от людей,
Умру — тогда я, может быть, от них избавлюсь наконец.

21

Эй кравчий, шевелись живей! Всю эту ночь, не затихая,
Пусть влагой пламенной твоей кипит пирушка озорная.

Подай нам чистого вина, ведь полночь лунная ясна,
Сияй, лучистая луна, будь радостной, душа хмельная!

Забудь о горестях земли, веселья келью насели,
Сердца друзей возвесели звучаньем чанга, пеньем ная[1].

Все громче пьяный шум и смех, остановиться, право, грех:
Всех напои, свали нас всех, за чашей чашу подавая!

Но оглянись, Бабур, вокруг: где твой доброжелатель, друг?
Где тучка вешняя, что вдруг могла б, как ты, всплакнуть,
вздыхая?

22

Того, кто месяцы и годы скорбит, чей горек путь,
Ни Новый год, ни праздник долгий не веселит ничуть.

Когда ты вынужден из чаши судьбы лишь кровь глотать,
Хоть осуши Джамшида[2] чашу — услады не вернуть.

Не говори мне, собеседник: «Твоя страна», «Твой друг»,
Пойми — мне чужды люди мира, враждебна мира суть.

К чему мне Новый год без милой? Что праздник без тебя?
Мне год любой и месяц — праздник, лишь ты со мною будь!

Когда б рыдал Бабур в разлуке — сложил бы песню мир
Из гулких стонов, тихих вздохов, потрясших эту грудь.

---

[1] Чанг и най — национальные музыкальные инструменты.
[2] Джамшид — легендарный царь Ирана, обладатель волшебного неисчерпаемого кубка.

23

Душе моей не были в жизни веселье и радость даны:
Не трать на печаль ни минуты, ни часа короткой весны!

Увы, моей жизни монета катилась печали путем,
Мне были разлука, чужбина, удары судьбы суждены.

Извивы кудрей вспоминаю — и пламенных вздохов дымы,
Крутясь, извиваясь, восходят из уст, даже ночью видны.

Покамест красавица эта еще благосклонна ко мне,
Ни с кем не хочу я общаться — зачем мне Адама сыны?

Бабур ото всех отвернулся, к подруге лицо обратив:
Ему в целом мире отныне другие друзья не нужны.

24

Я обезумел от любви, не в силах скрыться никуда,
Среди влюбленных ни один не знал подобного стыда.

Благочестивым подражать пытался в жизни я не раз,
Но лишь безумием своим я в мире славился тогда.

С моей любимой разлучен, лишь кровь я приучился пить,
И мне отрада от вина теперь воистину чужда.

Шейх запретил стихи писать, пока я зрелость не обрел,
С таким незрелым стариком ну просто сущая беда!

Не диво, если дурачком Бабура сделает любовь,
Известно: мудрость и любовь не совпадают никогда.

25

Тюльпан и зелени узор — ланиты нежные с пушком.
Газель среди тюльпанов гор — твой глаз, блистающий огнем.

Твоим сияньем смущены, все гурии вокруг грустны,
Не так ли ясный диск луны туманным обведен кружком?

С другими ты была мила, со мною — жестока и зла,
Другим ты верною была, а мне — то другом, то врагом.

Страданий я познал предел, с тобою сон мой улетел,
Печаль и слезы — мой удел, пока чернеет ночь кругом.

Страница моего лица вся в строчках слез, им нет конца;
Взяв их для этого столбца, Бабур воспел тебя стихом.

26

Гонец мне доставил письмо, и меня воскресил твой листок,
Как будто приказ оживить сумасброда прочел я меж строк.

Без солнца лица твоего и без жемчуга сладостных уст
Из глаз моих слезы бегут — драгоценных жемчужин поток.

Зачем ты укрыла свой стан под волною душистых волос?
Ты пряди свои подбери, чтоб лицом любоваться я мог.

Вдали от пьянящих очей я к вину пристрастился, друзья,
И твердо теперь заучил я дорогу одну — в погребок.

Свечою твоей красоты обожжен безнадежно Бабур.
Когда же ты вновь прилетишь покружить надо мной, мотылёк?

27

Из-за черных кудрей нет мученьям предела опять,
Из-за черных бровей жизнь моя потемнела опять.

Я ребенку прелестному сердце вручил, но боюсь:
Разобьет его это дитя неумело опять!

Сто дурных ее дел оглушили, о сердце, тебя,
Что ж теперь от нее ждешь ты доброго дела опять?

Дети камни швыряют в меня — ей нисколько не жаль,
И под градом камней я кричу ошалело опять.

Убежать бы Бабуру — но как от нее убежишь?
Из-за черных кудрей нет мученьям предсла опять.

28

Без луноликой не светло от солнечного света,
Несладок сахар без нее, чья сладость мной воспета.

Без тонкостанной — кипарис мне грудь стрелой пронзает,
Без розоликой — нет у роз ни запаха, ни цвета.

Что стану делать я в раю? Хочу быть с нею рядом,
Зачем же мне другой приют в садах другого света?

Пусть голову из-за нее тебе, Бабур, отрубят,
Но невозможно оторвать от милой сердце это!

29

Мне красавица эта, чья плоть так нежна,— нужна,
Словно солнце, чьим светом душа зажжена, нужна.

Мне, упавшему ниц, не михраба священный свод —
Эта бровь, что искусницей насурмлена, нужна.

С головою, о сердце, проснись,— иль влюбленных путь
Обходи, коль тебе непременно она нужна.

Всякий, павший к ногам ее, может к устам припасть,
Коль ему лишь могила для вечного сна нужна.

Что с того, что с тобой неприветливы все, Бабур?
Ведь тебе лишь улыбка подруги одна нужна.

30

Благо тому, кто, с милой простясь, край свой покинет,
В мире бродя, свободу избрав, страсти отринет.

Благо тому, кто к миру сему стал безразличен,—
Ввысь ли его судьба вознесет иль опрокинет.

Силой нельзя душе навязать жителей мира,
Тот, кто живет вдали от людей,— бедствия минет.

Люди земли — враги и беда для человека,
Пусть даже кровь за них он прольет, горы раздвинет.

Краем родным обижен Бабур, милой обижен,
Благо тому, кто, с милой простясь, край свой покинет.

31

Если б я знал, что разлука убьет меня злая,
С милой до смерти я жил бы, печали не зная.

Адом пугают... Но перед пожаром разлуки
Адское пламя не больше, чем искра простая.

Солнце мое и крупицы любви не дало мне,
Хоть я и слезы, как звезды, ронял, не считая.

Если она сто Лейли красотою затмила —
Я ста Меджнунам подобен, от страсти страдая.

Воду живую, о Хызр, ты весьма превозносишь,
Но не волшебней ли винная влага густая?

Если твой стих, о Бабур, слушать царица будет,
Каждое слово жемчужной станет, блистая.

32

Когда позволишь, о душа, войти мне в благостный твой сад?
Увидимся ли мы с тобой, пройдет ли тягостный разлад?

Подруга, отвори уста — их свежей влаги жажду я,
Глаза открой и посмотри — меня околдовал твой взгляд.

Едва захочешь красотой померяться с моей луной,
О солнце, значит, близок день, когда настанет твой закат!

Ты, голубь, к ней несешь письмо... Что, если к твоему крылу
Я сердце привяжу свое и с ним ты полетишь назад?

Исчез, как призрак, гибкий стан... Подруга, вспомни обо мне!
Бабур настигнет призрак твой и через тысячу преград!

33

Кинжалом пери, соглядатай, меня пугать не смей,
Сочту любой удар любимой удачею своей.

Я родину свою покинул, вокруг тебя кружусь;
Не будь жестокой к чужеземцу, скитальца пожалей!

Когда она, принарядившись, выходит из ворот,
Как сохранить я свой рассудок могу при встрече с ней?

В моей груди стрела застряла. О лекарь, погоди,
Не извлекай ее оттуда, не делай мне больней!

Ни разу не внимала роза твоим стихам, Бабур:
Какое дело гордой розе, что стонет соловей?

34

Как юродивый бьюсь о ворота твои головой,
Чтобы я не ушел, мне дорогу к свиданью открой!

Перед станом твоим стал расхваливать стан свой платан,
И садовник сломал, бросил в печь этот ствол молодой.

Ты меня умертвила намереньем встать и уйти,
Ты осталась — и, слава аллаху, я снова живой.

Я вручил тебе сердце, пока ты подругой была,
Мне теперь оно спутником стало, разбито тобой.

Целясь в сердце мое, лук бровей натянули глаза,
И готова расстаться ресница-стрела с тетивой.

О, когда эти кудри шальной ветерок растрепал,
Душу по ветру бросил и разум развеял я свой.

Горя цепь мне грозит или меч мое горло пронзит —
Но с дороги любви не сниму свой дозор боевой.

Глаз ее — мой убийца, а губы даруют мне жизнь,
О Бабур, весь иссох ты, хоть слезы и льются рекой!

35

Кому владычица души, подобная моей, досталась,
Тот будет господом храним повсюду — что бы с ним
ни сталось.

По улице её брожу и умоляю: если богом
Забыт не буду, чтоб и здесь хоть память обо мне осталась.

Когда от милой ухожу — из сердца горе не уходит,
Когда я к милой прихожу — к ней в сердце не приходит
жалость.

Зачем я от нее терплю обиды и несправедливость?
Гордячка склонностью к любви ведь никогда не отличалась.

Зачем, в слезах, я вновь и вновь стучусь в знакомые ворота?
От слез Бабура никогда ее гордыня не смягчалась...

36

Пусть речь твоя меня разит, как меч,
Спасают губы то, что губит речь.

Две пламенные розы щек твоих,
Увы, до тла меня грозятся сжечь.

Я отдал бы все блага двух миров,
Чтоб взгляд своей владычицы привлечь.
Тоски по милой не стыдись! Тоска,
Как друг, не даст тебе в разлуке слечь.

Рассудок, воля от меня ушли,
Пора меня от страсти уберечь!
Пойми, Бабур, пушок ее ланит —
Письмо коварной, что не хочет встреч.

37

На этот мяч у ног и на човган[1] в руках взгляните,
Вы на округлость щек, на кудри в завитках взгляните.

Взгляните: вот платан проходит по тропе, качаясь,
А вот ее скакун летит, вметая прах, взгляните.

Когда с ужимками на площади она гарцует,
Сто горемык за ней следят с тоской в глазах — взгляните.

Ужели должен я мишенью стать для стрел упреков?
Как много стрел ее ресниц сидит в сердцах, взгляните!

Она зовет: «Бабур, приди, поговорим!» Пришел я...
На то, как с правдой ложь сплелась в ее речах, взгляните.

38

Ты, чей лик — нарцисс, ты, чей стан — самшит,
Сколько мне еще нанесешь обид?

Мир не знал такой баловницы злой,
Шалой, озорной, скромницы на вид.

Мастерица лгать, мучить, привлекать,
Чтобы гнать и звать, позабыв про стыд.

Но тоска по ней всех обид больней,
Сердце все сильней по луне скорбит.

Слез, Бабур, не прячь... О кумир-палач!
Сладок этот плач, гнет не тяготит.

[1] Човган — клюшка для игры в поло.

39

Где найдешь кнпарнс, этой перн прекрасной подобный?
Где найдешь лепесток, этой коже атласной подобный?

Много ль в мнре сердец, бессердечней ее, безучастней?
Есть лн в мнре глупец, мне влюбленностью страстной подобный?

Для душн моей слабой зерно этой родннкн темной
В днн разлукн закваске тоскн ежечасной подобно.

Что мне рай, еслн я не найду у любнмой прнюта?
Эта улнца — райской обнтелн ясной подобна.

Не вино — пейте кровь на пнру, еслн там не найдется
Юный кравчий, шалунье моей сладкогласной подобный.

Оседлав скакуна, это солнце сжнгает Бабура:
Жгучий ветер — скакун, пламя — всадннце властной подобно.

40

Слава аллаху! Радость прншла н мук не осталось,
Утро сблнженья блещет, ночей разлук не осталось.

Стал я беспечным — я позабыл заботы н страхн,
Стал я веселым — горя и тьмы вокруг не осталось.

Отдохновеньем награждено усталое сердце,
Где его раны? Где мой былой недуг?— Не осталось!

Нет между нами больше преград. Медлнть зачем же?
Было терпенье, стойкость была — нх вдруг не осталось.

Счастлнв Бабур, что, наконец, судьба нас связала,
И на судьбу жалоб теперь, мой друг, не осталось.

41

Не говорн: «Ее стрела меня пытать пришла!» —
Она безжизненному жнзнь, спасенье дать пришла.

Брось о жнвой воде болтать, уйдн-ка лучше, Хызр!
Жизнь бесконечная ко мне, как благодать, прншла.

Объят простором дом ее... Простой лн это дом?
Вся сннева небес к нему с высот блистать пришла.

В час ожиданья хорошо услышать чей-то крик:
«Подарок за благую весть! Она опять пришла!»

Я умирал в тоске, но вдруг любимая моя,
Когда добычей смерти я готов был стать, пришла.

Вступил я, страстью изъязвлен, на путь небытия,
Где тьма скитальцев, в чьих сердцах любви печать, пришла.

Лишь в одиночестве ищи покоя, о Бабур!
Твоею плотью и душой скорбь обладать пришла.

42

Окончен пост, господь мне милость шлет:
Любовь пришла, и с ней пришел почёт.

Я знаменит из-за любви к луне,
Чей стан — алиф, рубин — румяный рот.

Вдали от этих глаз, кудрей и губ
Я тенью стал, игралищем невзгод.

Сжигают сердце вздохи — этот вихрь,
Наверно, силу пламени даёт.

Красавицей жестокой я сражен:
Начертан небом стрел ее полёт.

Отчаян ли твой стон иль приглушен,—
Бабур стряхнуть не может пыль забот.

43

Та, что подругою души столь славною казалась,
Показываясь лишь на миг,— злонравной оказалась!

К ногам любимой голова моя клонилась низко,
А гордо поднятой еще недавно мне казалась.

Другой рассудка не терял из-за жестокой пери,
Но ей любовью та игра тщеславная казалась.

Раз существует в мире страсть, то праведность, смиренье —
Одни слова; что в них есть смысл — нам явно показалось.

Ну что поделаешь, Бабур! Врагом жестоким стала
Та, что подругою души столь славною казалась.

44

Повеял мира аромат от розы, что была грозна,
Смягчился у тюрчанки нрав — сыта жестокостью она.

Я думал: «Выйдет или нет ко мне красавица моя?»
И шел туда, где мне видна ее обители стена.

До пояса — волос волна, и стан твой, как волна волос,
Различья ни на волос нет — сплошная зыбкая волна!

Что лучше — спросишь ты — всего на свете? Я тебе скажу:
Кебаб, вина хмельной язык и милый лик, что, как луна.

Ты говоришь, что обрела молитвенника за себя,
И это, мол, бедняк Бабур, чья жизнь надежды лишена.

45

Розу мою, чей стан — стебелек, где я найду?
Губы-бутоны, тюльпаны щек где я найду?

Слезы досады — крови ручьи горин льют;
Юную пери, счастья залог где я найду?

Светом во мраке льется в глаза ее красота,
Темною ночью свой огонек где я найду?

Раньше, бывало, в полночь ко мне вдруг прибежит;
Нет ее нынче, след ее ног где я найду?

«Пренебреженье,— мне говорят,— ты избери!»
Волю, чтоб выбор сделать я мог, где я найду?

Если разлукой сердце мое в кровь превратишь,
Вновь для тебя в груди уголок где я найду?

46

Ну что б тебе о милом вспомнить вдруг?
Поверь, что прежний друг — твой нежный
друг.

Мне грустно, стал я дальним для тебя,
Ты сделала печальным мой досуг.

Шипов у роз не видит человек,
Обиды сглаживает боль разлук.

Я заболел от блеска глаз твоих,
Ты их закрой — мой облегчи недуг.

Я сердце отдаю тебе, хотя
Есть в мире множество других подруг.

Я думаю: «Хотя бы раз пришла!»
Не забывай так скоро жертву мук.

Бабур! Влюбляясь в стройный кипарис,
Сперва взгляни на виселицы крюк.

47

Из жемчужин величья венец — не мое украшенье,
Хватит, что подо мною подостлана пыль униженья.

Если сердце гнездится в груди — как могу не гореть я?
Если уголь во мне — не могу я не чувствовать жженья.

Розоликая гурия с грудью, как белая роза,
Отняла у меня и терпенье, и соображенье.

Я пронзенных клинками ресниц ее вижу... О боже!
Пусть пронзят и меня те кинжалы в любовном сраженье!

На гнедом скакуне пролетела она, словно ветер,
Древо жизни моей повалило той бури движенье.

Все в сокровищнице красоты ее блещет, как роза.
Иль то пламя дракона? Жестокой души отраженье?

Распивая с ней утренний кубок, друзья, не забудьте:
Кровь я ночью безлунной глотаю, ища утешенья.

Так иль этак, Бабур, не отказывайся от веселья:
Разве стоит грустить, если жизнь наша только мгновенье?!

48

Время весны, близость подруг, дружеский круг бесед;
Муки любви, спор о стихах, за чарой с вином рассвет.

В пору весны в чаре вина тайные чары есть,
Благо тому, кто допьяна хмелем таким согрет.

Если, пройдя муки любви, к близости с милой придешь,
Пусть твоя боль длилась сто лет — сгинет разлуки след!

Очень хорош дружеский пир, спор о стихах друзей,
Стоит чего каждый из нас — сразу же видит свет.

Коль совпадут сроки трех дел и обстоятельств трех,
Помни, Бабур: выше, полней радости в мире нет!

49

Сердце сжалось в бутон, не влечет его дивный цветник,
И средь роз не раскроется избранный горем тайник.

Не толкуй мне, садовник, о разнообразии роз,
Ни к чему они кровоточащему сердцу, старик!

Стоит мне, разлученному с милой, на розу взглянуть —
Сто шипов мне вонзаются в грудь и немеет язык.

Сотой доли твоей красоты не могли б описать,
Если б даже сто лет восхваляли твой стан и твой лик.

Я шипами разлуки, о роза, истерзан вконец,
Нет, с тобой не расстанется больше Бабур ни на миг!

50

О спине, что как брови любимой согнулась давно,— говорить?
Что мое бытие, словно кудри любимой темно, говорить?

О душе, у которой разлука и мир и покой отняла,
Иль о раненом сердце, что гибельной скорби полно,— говорить?

В ясный день — дотемна ль толковать мне о горе своем?
В бесконечную ночь — до утра ль все одно и одно говорить?

Кто меня свел с ума — не расспрашивай... Или я должен о той,
У кого хмель — в очах, смысл — в речах, губы, словно вино, говорить?

Еженощно я звезды небес пересчитываю до зари,
Но, Бабур, о занятии этом, быть может, смешно говорить?

51

Открыв лицо, ты губишь нас, луна,
Безмерного тщеславия полна.

Твой стан — алиф, а брови — лук, и мной
По праву ты луною названа[1].

С тобою рядом кипарис — хромец.
А роза ярких красок лишена.

Лук натяни, пусти свою стрелу —
В моей груди найдет приют она.

Сто тысяч бед из-за тебя терплю,
А радость не случилась ни одна.

Ты прячешься — сто раз вздыхаю «ах»,
Сто раз — «увы», когда с другим нежна.

Не улыбнется мне свиданья день,
Хотя всю ночь Бабур провел без сна.

52

Недуг мой по моим глазам подруга знать должна,
И помощь, вняв моим слезам, мне оказать должна.

Раз ей принадлежат мой ум, и сердце, и душа,
Скажи ей, ветер, пусть придет: она их взять должна.

Другие неразлучны с ней — лишь я свиданья жду,
А ведь она в любви не мне — им отказать должна!

Коль сердце глупое совсем не ценит счастья встреч,
Меча разлуки злая сталь грудь растерзать должна.

Я счастлив — молвила луна: «Бабура знаю я».
Еще бы! Своего раба царица знать должна!

53

Душе веселья вдохновенье нужно,
Забывших нас — предать забвенью
нужно,

Водой веселья розу орошая,
Глушить побеги огорченья нужно.

---

[1] Начертание слова «луна» (ой) по-арабски состоит из буквы «алиф» и звука «е», означающего также «лук».

Зря не скорбя,— и так уж скорби много,
Искать в утехах развлеченье нужно.

Подвижничество душу тьмой объемлет,
Ей жаркой страсти озаренье нужно.

Бабур, не позволяй терзаться сердцу,
Ему свободы упоенье нужно.

54

На небо — солнце, на коня — ты всходишь, свет струя,
С тобой сравнится ль солнце дня, с конем — небес края?

Войди же в сердце, раз ты грудь мне рассекла; смотри —
Ведь очи — окна, рана — дверь от твоего жилья.

Серебролистый стебелёк, в цвет розы облачась,
Не так снял бы, как в шелку сняет плоть твоя.

Пусть для тебя соперник мой достойней и милей,
И я не плох, но не такой, как ты, любовь моя.

В том, что ты всем внушаешь страсть, не виноват Бабур,
Будь я таким, как ты,— и ты себя вела б, как я.

55

Глупое сердце во прахе лежит пред тобой, помни;
Грустное, жаждет оно твоей ласки скупой, помни.

Ты и в минуты веселья, коснувшись рукой чанга,
Стан мой, согбенный печальной судьбой, вспомни.

Сердца владычица! Пыль бесконечных забот с сердца
Можешь развеять ты песнею чанга живой, помяни.

Где же подруга, Бабур, чтоб по струнам тугим грянуть?
Оземь ты грянь головой — вот удел ныне твой, помни!

56

Заемной мыслью ты блестишь, но знай, что это ложный свет,
А жизнь, когда ты жить спешишь, не жизнь, а жалкий
пустоцвет.

Аллах велик! О дивный лик!.. Какие брови и глаза!
Пред ними меркнет разум мой, в груди для сердца места нет

Жестокости любой прием до тонкости тебе знаком,
Но ты считаешь пустяком любви и верности обет.

Я солнцем твоего лица и опален, и потрясен,
Я в новолуния бровей влюблен, их стрелами задет.

Вдали от самого себя, в хмельном дурмане, в забытье,
Бабур, ты тратишь столько дней и столько месяцев и лет...

57

Сокрытое горе я разоблаченным не сделал,
И явною боль — облегчив ее стоном,— не сделал.

Но глаз моих дети — слезы про все разболтали,
Хоть их я владыками в сердце смятенном не делал.

Любви ее радость ко мне не являлась, покуда
Я сердце наукою мук умудренным не сделал.

Где жемчуг зубов ее? Сам я — каких только ссадин
Зубами на теле моем истомленном не сделал!

Бабур, на судьбу ты не плачься — к чему эти стоны?
Ведь ими ты сонное счастье бессонным не сделал!

58

Милой ноги целуя, вознесусь головой к небесам,
Ты возьми мою руку — руку счастья поймаю я сам.

Даже падая, буду за одежды цепляться твои,
Я умру, если к этим припадать перестану стопам!

Юной пери отвергнут, я старею, влюбленный в нее,
Лучше смерть, чем, тоскуя, приближаться к преклонным летам.

Тайну сердца прошу я начертать на могильной плите,
Чтоб любовь к луноликой о себе говорила и там.

Не рычи на Бабура, собака подруги моей,
С кем еще на чужбине я могу предаваться мечтам?

59

Из-за любви к тебе, недружелюбной, и я бездомным стал;
Нет, не «бездомным»,— я скитальцем в мире скорбей
огромном стал.

Не поцелуешь — потеряю душу в пути; ведь я теперь
Бродить в краю небытия безмолвном, пустом и темном стал.

Я об устах луны спросил, и сразу их тайну разгадал,
Смотрите, сведущим каким я в деле головоломном стал!

В служенье лукобровым, тонкостанным я постоянным был,
И все-таки живой мишенью стрелам их вероломным стал.

Над повестью про бедного Фархада смеялся я, но вот
Свою Ширин увидел я, и схожим с Фархадом, скромным стал.

Что удивительного в том, что, счастья не испытав, Бабур
От горестей разлуки слабым, совсем никчемным стал?!

60

Твой гибкий стан, пушок ланит, твой ясный глаз, прекрасный
лик —
Мой кипарис, мой базилик, живой нарцисс и роз цветник.

Из-за рубина уст твоих, походки, красоты, речей —
Душа светла, глаза горят, красноречив и смел язык.

Моей шалуньей озорной замучен я, ошеломлен,
Я еле жив, а в ней кипит веселой живости родник.

От безысходности судьбы, из-за бесплодности мольбы
Я плачу, жалуюсь, кричу, я, опечаленный, поник.

Из-за превратностей любви, скитальчества в чужих краях
Я — как Меджнун, моя родня — беда, удел мой —
скорбный крик.

Для стрел твоих, красы твоей, для мук и для любви к тебе —
Бабура тело — цель, глаза — жилье, грудь — сень, душа —
тайник.

از توشک بدیع الزمان میرزا بابر بجانب چپ یک توشک

61

Разве я у возлюбленных верность, смиренье видел?
Кто мне скажет, что гурий, не склонных к измене, видел?

Любовались глаза мои прелестью этой пери,
Кровь из них полилась — мир я словно в затменье видел.

Суждено ли мне, господи, чтоб еще в этой жизни
От «покоя души» я покой — не мученье — видел?

Смотрит кровоточащее око, а в сердце — горе...
Ах, зачем каждый день горя этого тень я видел?

О Бабур, не надейся найти постоянство в людях:
В обитателях мира кто верность, смиренье видел?

62

Хорошо, что я снова увижу тебя, мой цветок,
Хорошо, что лицом своим пыль я сотру с твоих ног.

Не болтай: «На тебя и не смотрит подруга твоя!»
Не пугай — от нее и не это стерпеть бы я смог.

Пусть ко мне ты была и придирчива и жестока,
Я тебя не отвергну — я верность подруге сберег.

О, когда я свиданья вином на мгновенье упьюсь?
От похмелья разлуки уже я совсем изнемог.

Ввергнут в пламя тоски, я ищу утешенья в вине:
Может быть, я залью тот огонь, что разлукой разжёг?

63

Настало время уходить, покинуть старый кров,
Иди, куда глаза глядят, избавлен от оков.

Вдали от суеты мирской я стать святым хочу,
Доколе унижаться мне перед толпой глупцов?

Они преследуют меня... О, если бы навек
Не видеть человечьих лиц, людских не слышать слов!

Больное сердце не кори за бегство: ведь оно
Не так безумно, чтоб его я запер на засов!

Не говори: «Постой, Бабур, куда тебя несет?»
А что поделать я могу, коль божий суд таков?

64

Доколе молвой пробавляться, что ты словно роза в саду?
Когда, наконец, я в свиданье от мук исцеленье найду?

Хотя бы из жалости только взглянуть на себя прикажи,
Я жажду увидеть, услышать тебя наяву, не в бреду!

Я — пес твой; волос твоих цепью за шею меня привяжи,
Иначе в долине разлуки, боюсь — заблужусь, пропаду.

Отвергнешь ли неумолимо, небрежно ли мимо пройдешь,
Что делать? Унижусь, обнижусь, заплачу, встречая беду.

А если Бабур головою к твоим не приникнет ногам,
Куда понесут меня ноги — с поникшим челом я пойду.

65

Эти губы-сластены сыплют сахар слов на пиру,
Эти косы-арканы манят, расплетясь на ветру.

То лукавые брови сдвинешь, то прищуришь глаза,
Сколько бед я узнал, повернув в эту злую игру!

Как вода, твой меч переливчат, и, летя на коне,
Ты мое раздуваешь пламя, я от скачки — в жару.

Без очей твоих заболел я — взгляд один подари,
Исцеленный таким лекарством, я тогда не умру.

Прочь уйти от ночи разлуки ты не можешь, Бабур,
Как ни мечешься ты, стараясь раньше встать поутру.

66

Ты доколе, смеясь, бередить мои раны будешь,
И кудрями мне разум мутить неустанно будешь?

О, доколе ты будешь других возносить до неба,
А меня ты с землею равнять невозбранно будешь?

О, доколе, скажи, унижать мое сердце бранью,
Эту душу держать ты во власти обмана будешь?

Мне пойти к тебе — трудно — тебе же легко. Всевышний
Трудность мне облегчит — ты со мной постоянно будешь!

Не дождешься, Бабур, похвалы от своей подруги,
Даже если ты красноречивей Хассана[1] будешь!

67

Своим жильем мой глаз живой ты сделала,
Каморку сердца вновь жилой ты сделала.

Опять, красавица, мне разум помутив,
Меня раздавленным тоской ты сделала.

Пусть я умру с тоски — тебе и горя нет,
Себя беспечною такой ты сделала.

Чтоб стрелами ресниц вновь забросать меня,
Из тонкой брови лук тугой ты сделала.

О море милостей, внезапно скрывшись с глаз,
Потоки слез моих рекой ты сделала.

Зачем Бабуру рай, ведь грудь его — себе
Приютом, избранным душой, ты сделала!

68

Ты всегда равнодушна, терзая мне сердце и раня,
Ведь тебе — что поделать — неведомы сердца страданья?!

Каждый час, каждый миг я горюю, а ты и не знаешь,
День ли, год — что тебе?! — Ты в дурмане самолюбованья.

Ты в меня и не метишь стрелою лукавого взгляда,
На мои раболепные не отвечая посланья.

Шейху делать здесь нечего. Он состоянья влюбленных
Никогда и не знал — как же он нас понять в состоянье?

Зря, измученный, высох и в щепку Бабур превратился —
На него, как на щепку, ты не обращаешь вниманья.

---

[1] Хассан — древнеарабский поэт, отличавшийся красноречием.

69

Увы, другому предана сердечно,
Меня ты мучишь зло, бесчеловечно.

Стрелою взгляда всех сражая метко,
В меня не попадаешь ты, конечно.

Не видишь ты лица моих страданий,
Не лечишь ран моей души увечной.

О, если б, утолив мое желанье,
Не избегала встречи ты беспечно!

Бабур, за ту, что так тебя поносит,
Молитвы возносить ты будешь вечно.

70

Мне красавиц жестокостью быть потрясенным доколе?
Остриями шипов этих роз быть пронзенным доколе?

Видеть из-за разлуки, любви и соперников злобных
Скорбь — в душе, кровь — в глазах, а себя оскорбленным — доколе?

О, доколе я буду ее подчиняться указке,
Буду я своей собственной воли лишенным — доколе?

Всякий раз взор твой язвы на теле моем замечает,
Сердце будет обидою опустошенным доколе?

Сердца не отдавай луноликим — быть может, отыщешь
Госпожу ему... Сколько скитаться еще нам? Доколе?

71

Любой хвалы людской и преувеличений ты выше,
Тебя зовут душой, но и таких сравнений ты выше.

Пускай прославлена краса небесных гурий безмерно,
И все же для меня, безумца, нет сомнений: ты выше!

Уверен — гурия, твое лицо увидев, увянет,
Тебя поет молва, но пылких песнопений ты выше.

О, потрудись, стрела подруги, ради сердца больного!
В моем недуге — всех лекарств и всех лечений ты выше.

Бабур избрал себе убежищем жилище любимой;
Пред ним и рай убог, Ризвана[1] светлой тени ты выше.

72

Я во сне тебя видел — твой солнечный лик просветленный,
И до Судного дня не хочу просыпаться, плененный.

Сзади — скорбь, рядом — горе, а передо мною — разлука:
Вот чем я окружен, твоей близости прежней лишенный!

Видишь, оторвалось мое сердце от жизненной нити
И повисло на пряди косы твоей, туго сплетенной.

Слез унять не могу я при виде тебя — ты ж от смеха
Удержаться не можешь, увидев, как плачет влюбленный.

Рухнул стойкости дом — он подмыт был слезами Бабура,
Столь большого ущерба не ждал я от влаги соленой!

73

Хочу ходить с тобою всюду, быть твоим верным псом.
Не пустишь — провожу глазами и помолюсь потом.

Вот наслажденье: лбом прижаться к порогу твоему!
Позволь такой счастливой жизнью зажить, храня твой дом.

Как не рыдать мне в дни разлуки? Как слезы скрыть? Они
Со слезной жалобою лезут к миру бьют челом.

Доколь тебе не оглянуться, все мимо проходить?
Доколь мне пред тобой тянуться в отчаянье немом?

Бабур на солнце и не глянет, когда, отбросив прочь
Печали ночь, он снова будет с луной своей вдвоем.

---

[1] Ризван — имя ангела.

74

Если б я знал, сколь губительны ночи разлуки с луной, —
Не выпускал бы из рук дни свиданья, пока я живой.

Нет и на пиршестве сердцу покоя, пока человек
Возле себя не увидит любимую — сердца покой.

Сердце соскучилось так по любимым устам, что оно,
Верно, у них взяло облик бутона, объято тоской.

Словно дыханье Мессии — так вдруг оживляет меня
Весть от подруги далекой, что ветер приносит ночной.

Что ж, не теряй ни минуты — с друзьями, Бабур, веселись:
Ты ведь не знаешь, что через минуту случится с тобой!

75

Попробуй солнце неба с тобою состязаться,
Ему пришлось бы сразу в бессилии сознаться.

Красой своей слепящей, как роза, ты гордишься,
Как соловей скорбящий, я вынужден терзаться.

Твой лик — тюльпан, но только тюльпан самодовольный,
Твой рот — бутон, но только умеющий смеяться.

То за ушами вьются, то лоб скрывают кудри —
Ты подбери их, стыдно растрепанной казаться!

Кудрей связались нити и нить души Бабура,
Так разве может узел подобный развязаться?

76

Добра, увы, я от тебя не вижу.
Я радости, тебя любя, не вижу.

Я постоянства в тех, кто красотою
Прославились, сердца губя, — не вижу.

Увы, я справедливости и правды,
О состраданье вопия, не вижу.

Я преданного в дружбе человека,
Кому б я мог открыть себя, — не вижу.

Чернил, чтоб начертать страданья
строки,
Я в глуби черных глаз, скорбя,
не вижу.

Во мне, рабе, таится лишь смиренье —
Его в тебе, царице, я не вижу!

77

Куда ни пойдет мое солнце, меня за собою маня,
Нельзя мне отстать — ведь иначе не видеть мне светлого дня.

От солнцеподобного лика я глаз отвести не могу,
Хотя бы в них даже впивались лучистые копья огня.

Пусть пламя в недужное сердце забросила бурная страсть,
Сожженного сердца не брошу, его для подруги храня.

Пока я себе не представлю бровей ее тонких дугу,
Я перед михрабом мечети молюсь, головы не клоня.

Когда б до Ирака и Фарса дошли эти строки, Бабур,
Быть может, Хафиз их признал бы, Салман[1] похвалил бы меня.

78

В дом ко мне этой ночью пришло мое солнце тайком...
Годы, вечность она не являлась вот так, вечерком.

Час свиданья, как рот ее, мал; словно кудри ее —
Путь разлуки с любимой был темным и длинным путем.

В грудь мою ты забралось, о солнце, и стали тогда
Эти кости дровами, а сердце — горящим огнем!

То ли горестей узел во мне завязался теперь,
То ли ниточкой — тело, а сердце на ней — узелком?!

В тьму разлуки красавица бросила душу мою,
Ты возьми ее лучше, судьба, умоляю о том.

С кипарисом расставшись, я воплем потряс небеса,
Слезы цвета тюльпана я лью, разлученный с цветком.

---

[1] Салман Саведжи — известный иранский поэт.

Я в любви и безумье достиг совершенства, друзья:
Называйте Бабура сердечных наук знатоком.

79

Пусть твой стан и от вздохов влюбленных склоненным
не будет,
Ветром грусти волос гиацинт расплетенным не будет!

Пусть ничтожество мира не мучает нежное тело,
И пускай твое сердце тоской омраченным не будет.

Милый мой кипарис, в день разлуки ты друга обидел,
Пусть хотя бы он тенью твоей обделенным не будет!

Только ты мне нужна; если нет моей пери на свете —
Пусть весь мир опустеет, никем населенным не будет!

Если ты мой сообщник, о ветер, внуши кипарису:
Пусть не гнется, и к щепке любой благосклонным не будет.

В мире так повелось: кто влюблен — тот всегда опозорен.
Но в любви пусть никто, как Бабур, оскорбленным не будет.

80

Любуются в праздник луной и ликом любимой своей,
Мне ж — праздник не в праздник вдали от милых ланит и
бровей.

Изогнутый локон ее заставил и тело мое
Томясь, изгибаться дугой в часы одиноких ночей.

Дым вздохов клубится из уст влюбленных ревнивцев, когда
Колеблется под ветерком волна ее черных кудрей.

Вот капельки пота блестят под прядью волос на челе,
Так блещет на розе роса в сиянии лунных лучей.

Мой жребий — печали приют, кровавые слезы и боль...
А как хорошо за вином сидеть в окруженье друзей!

Изранено сердце мое, зачем наставленья ему?
Сердечных не вылечат ран все пластыри трезвых речей.

Свиданье с любимой Бабур отпраздновал, как науруз[1],
Будь сто наурузов в тот день, не мог бы он быть веселей!

81

Развившись, приникли к ланитам две пряди волос
И темным сияющий мир мне узреть довелось.

Вино — это жаркая кровь для влюбленных сердец,
Тот счастлив, кому насладиться вином удалось!

Любимая, будь снисходительной, ибо во мне
И страсть, и безумье, и удаль — все вместе слилось.

Зачем ты от мира скрываешь любовь, о Бабур?
Все знают причину твоих ликований и слез.

82

Вдалеке от тебя разве смысл в моей жизненной доле есть?
А в душе разве что-нибудь кроме волненья и боли есть?

В кровь ты сердце мое превратила, из глаз моих льется кровь.
Почему?— вот вопрос, что к тебе у меня поневоле есть.

Давит злоба людская, заботами обременен я — пусть!
Я снесу и поболе — ведь ты в этой бренной юдоли есть!

Добродетелен или порочен, влюблен или скромен я —
Что за дело тебе-то, аскет? У меня своя воля есть.

Соловьиного стона печальней Бабура стон.
Сколько шрамов на сердце, что так искололи, есть!

83

Оторвавшись от милой, зачахло мое существо,
Ибо вянет бутон, если сорван с куста своего.

Ты не думай — в груди моей это не сердце лежит:
Сгустки крови, от горя запекшейся,— только всего.

Красоты я не вижу, а сердце не хочет любви,
Словно стали глаза мои слепы, а сердце мертво.

Чтобы милой достичь — надо тела преграду убрать,
И тогда лишь, о сердце, наступит твое торжество.

---

1 Науруз — день Нового года (совпадает с днем весеннего равноденствия — 21 марта солнечного календаря).

Разве люди любви, просто люди — Бабуру равны?
Есть ли горестей столько у них, сколько есть у него?

84

Страданья страсти для меня великая напасть,
Но что поделать — велика моей подруги власть!

Недаром родинка ее, как Хызр, ведет туда,
Где можно к жизни роднику — к ее устам припасть.

Но, может быть, ее стрела — лекарство от любви,
И эта рана — сердцу впрок, не даст ему пропасть?

Пришла весна, и страсть к вину мне голову кружит,
Подайте кубок: всех страстей достойней эта страсть!

Бабур, подруге другом стал предатель, а тебе —
Стал другом стон, ты можешь с ним наговориться всласть.

85

Настала пора безрассудства, веселья пора — весна.
Да будут полны эти чаши — эй, кравчий, налей вина!

Бывает — тюльпаны в цвет розы бескрайнюю красят степь,
Бывает — простая лужайка от пламенных роз красна.

Наверно, художник творенья здесь пробовал кисть свою,
Такого смешения красок лужайка эта полна.

Души моей сад украшает лица твоего цветник,
В саду моей жизни платаном колышешься ты одна.

О, где бы ты ни была, роза,— Бабура душа с тобой,
О жалости молит скиталец, чья жизнь без тебя темна.

86

Базиликом ланит блеск пылающих роз превзойден,
Улыбнулись уста — и раскрыл свою тайну бутон.

Обрамляют два локона редкостной розы лицо,
Видно, жребий завидный тем прядям предопределен.

Весь я в ранах от стрел ее метких; о ране такой
Говорят: на вершине страданий расцвел анемон.

То не вешний поток — землю залили слезы мои,
То не гром в небесах — мой, поднявшийся до неба, стон!

Разве может сраженный любовью покой сохранить?
И в лучах ее солнца пылинкой верчусь я, смятен.

Обезумел от страсти Бабур, косы пери его —
Словно цепи, а ямочка на подбородке — зиндон.

87

Разбитое тело мое сотрясают рыданья.
Немеет перо, приступая к ее описанью.

Согнулся мой стан... В слабом теле и немощном сердце
Навек из-за милой моей поселилось страданье.

Я кровь постоянно глотаю из чаши разлуки,
Когда для других приготовлена чаша свиданья.

Я связан кудрями ее, а она ускользает!
Завидую тем, чьи не связаны плоть и сознанье.

Бабур, как ты вызволишь душу из рук этой пери?
Разлука с ней — гибель, а встреча — пустое мечтанье.

88

Брови под синей басмою как призрак, как сон,
Или то новой луной озарен небосклон?

Можно ли солнце с возлюбленным ликом сравнить?
Солнце заходит — заката не ведает он.

Где ее локоны, стан и уста? Мне без них
Скучно смотреть на жасмин, кипарис и бутон.

Как бы твой стан, нежный стебель в саду красоты,
Не был бы ветром от вздохов любви повреждён!

Горе познал я, и сразу согнулся мой стан,
Видно, он сделался буквою «с» в слове «стон».

Верность и честность моей неизвестны луне,
Но по жестокости нрав ее непревзойден.

Все же, Бабур, и недоброй подруге служи:
Бросить ее — это грех, что не будет прощён.

89

Щека — тюльпан, пушок — фиалка, а локоны — райхан[1],
Весь юный лик — цветник чудесный, весенний цвет полян.

Щека — жарка, пылает солнцем, обилен слов улов,
И темно-алы уст кораллы, и строен гибкий стан.

В глазах — вражда, в словах — отрава, но мед в ее устах,
На языке ее — лекарство от нанесенных ран.

Встречаться часто мы не можем, а между тем, вдали
От этих губ я проливаю слез целый океан.

Коня заигрыванья хитро ты гонишь так и сяк,
Рвани поводья, пусть поближе подскачет конь-буян.

Как выразить такую прелесть, как описать ее?
Ведь красота твоя сметает людей, как ураган.

Пускай она несправедлива, нет выбора, Бабур:
Ее поступки не могу я судить, она — султан.

90

Любовь мою она бесплодной делает,
Больную душу сумасбродной делает.

Недружелюбная, меня, как и других,
Виденьем, тенью лишь холодной делает.

Увидев алый лик, я предсказал: она
Слез моих влагу с кровью сходной сделает.

Возвышен временем, не радуйся: любовь
Неволей жребий твой свободный сделает.

До постничества мне и дела нет, аскет,
Она со мной все что угодно делает.

Раскаиваться ты Бабуру не вели,
Пусть это за него аскет негодный делает!

---

[1] Райхан — базилик.

91

Не мне — другим больным она из уст своих питьё даёт.
Я сердце отдал ей, она ж — не мне — другим своё даёт.

Я исстрадался, но ко мне в ней даже состраданья нет,
Она свою любовь не мне, влюбленному в неё, даёт.

Не остріе у стрел ее, а капельки живой воды,
Безжизненному телу жизнь такое остриё даёт.

Спросите о рубинах слез, о жемчугах моих стихов —
Ведь их не море, не родник, а сердце лишь моё даёт.

Поверь, отвергнутый Бабур, что эта пальма красоты
Одни плоды беды, твое смущая бытие, даёт.

92

Уста ее алей на коже белой кажутся,
Так, в молоко вглядясь — и кровь зардела, кажется.

На розах щек ее пушок ли это мускусный,
Иль на жасмине тень зазеленела, кажется?

Тот никогда уже не обретет спокойствия,
Кому она красы земной пределом кажется.

В воображении людей любовь заманчива,
Но это — тяжкий труд, хоть легким делом кажется.

По правде говоря, Бабур, речь этой гурии
Нередко ложью лишь весьма умелой кажется.

93

Пока не выпью чашу смерти, хмелея от тоски,
Любимая мне будет кравчим до гробовой доски.

Пока прелестный виночерпий меня поит вином,
От кубка, налитого милой, не отниму руки.

Мой стан от мук любви согнулся, как месяц молодой,
Хотя рога его на небе сверкают, далеки.

Нет, описанье новолунья и солнца твоего,
Поверь, не могут даже книги судьбы вместить листки.

Пушком ланит, письмом их тюркским не овладел Бабур:
Не в стиле «бабури» тот почерк, а в стиле «сыгнаки».

94

Живя на чужбине, без милой страдал я так много,
Что в старца меня превратила разлуки дорога.

Покамест я двигаюсь — буду стремиться к любимой,
Не ведаю, жребий какой мне назначен от бога...

Судьба меня гонит — иначе, пленен гиацинтом,
Я разве скитался б вдали от родного порога?

Забрел от тебя в даль такую Бабур — и не умер!
Подруга, за промах не надо судить его строго.

95

Она мое сердце взяла без труда,
И нечем мне стало томиться тогда.

Пусть знают теперь, что я сердца
лишен,
Что кто-то присвоил его навсегда.

Притворщица будто не видит меня,
Неведенье изображает, горда.

Отряды кудрей своих, пери, сомкни,
Ряды их расстроила эта беда.

Бабур, хоть на время, но развеселись,
Такая на свете пошла чехарда!

96

Ты милость ее с лицемерьем сравни — немногого сто́ит!
Пред ночью разлуки свидания дни немногого стоят.

Ты в мире ничтожном мечтать перестань о ложе покоя.
Такая подстилка у нас искони немногого стоит.

Услады минувшие не вспоминай: что было — пропало;
Вернуть — не вернешь, а стенанья одни немного стоят.

Со страхом и рвеньем ты служишь царю. Пустые потуги!
В сравненье с дубинками стражи они немного стоят.

Зачем ты свидания жаждешь, Бабур, ведь будет разлука?!
Миг счастья за годы мучений, взгляни, немного стоит!

97

Возлюбленной вздорней, капризней, чем ты,— не найти.
Тебе же — покорней раба красоты не найти.

В тебе все достоинства пери и гурий небес,
Людей, у которых такие черты,— не найти.

Мне все на глаза попадаются, кроме тебя,
Ни в ком ни сочувствия, ни доброты не найти.

В саду красоты отвернешься от розы на миг —
И места, где только что были цветы,— не найти.

Подруге, вернувшейся к другу, будь другом, Бабур,
Иначе подруг средь мирской суеты не найти.

98

Оставь поученья, умник, реченья твои пусты,
Они безумному сердцу противны до тошноты.

Пускай мое сердце глупо, зато не найдется в нём
Тупого самодовольства — отвратной твоей черты.

Мне горечью щиплет нёбо твоей болтовни питье,
Слова твои, увещеватель, отравою налиты.

Ведь локоном цвета амбры я связан теперь навек,
Так что мне любые оковы — я сам в цепях красоты!

Есть много нищих на свете, но все-таки нет у них
Царя бродяг и скитальцев такого, Бабур, как ты.

99

Как все горести мира в душе умещаются малой?
Чем под грузом их гнуться, уж лучше б я умер, пожалуй.

Стоны — песни мои, сотрапезники — горе и мука,
И кровавые слезы — вино... Вот так пир небывалый!

Не виновен я в том, что бесчестным соперником сломлен,—
Так нередко свинец разрушает алмазов кристаллы.

Я не знал, что, влюбившись, утрачу и разум и душу,
Что любовь к луноликой подобные беды скрывала.

Кровь Бабура зажглась, когда очи узрели красавиц,
Кровью плачу теперь — так за это судьба покарала!

100

Я гурию вдруг увидал пред собой
И вмиг был охвачен любовью слепой.

Любой из живущих желаньем томим —
Изжил я желанья в разлуке тупой.

Быть может, во сне я б увидел тебя,
Но сон от меня удалился с тобой.

Я косы твои вспоминаю всю ночь,
Пока не приходит рассвет голубой.

О, если б ты стала к Бабуру добрей,
Уж очень страдалец обижен судьбой!

101

Меня лишили сердца косы, бровей черненых свод.
Не знаю целый день покоя, а ночью сон нейдёт.

Куда лицо ни обращаю — идет навстречу скорбь,
Куда стопы ни направляю — печаль не отстаёт.

Еще кто в мире столько горя и столько мук терпел,
Так мало радостей изведал, так много знал забот?

Испепелили сердце, душу преобразили в пар
Разлука с этой солнцеликой и тяжких бедствий гнёт.

Свои смертельные страданья ты от людей таи,
Смотри, Бабур: ты горько плачешь, а их лишь смех берёт.

102

Вручив ей сердце, я думал: хозяйка ему нашлась.
Не знал я, что этой пери я буду в тягость не раз.

Сто бедствий принес безумцу подобный самшиту стан.
Аллах! Значит, жди несчастий, на путь любви становясь?!

Ее презренье лукавством считал я, но понял вдруг:
Она гнушается мною, над бедным глупцом глумясь.

В любви лишь смерть моя — щит мой, ведь пери сама — палач,
Ее глаза кровожадны, слова убивают вас.

Прелестницы крепко держат сердца́ влюбленных слепцов,
Найдешь владычицу сердца — и сердце в плену тотчас.

От ветреницы вероломной зачем столько мук терпеть?
Бабур, ведь таких, как эта, красавиц много у нас.

103

Не расспрашивай, друг, что со мной, ибо стал я слабей:
Плоть слабее души, а душа моя плоти больней.

Сам не свой — как главу за главой повесть мук изложу?
Этот груз мой живой ста железных цепей тяжелей!

В опьяненье всю жизнь пребываешь ты, сердце. Как жаль!
Но отныне, прошу тебя, будь хоть немного трезвей.

Хочешь цели достичь — от беспечного сна пробудись,
Тот, кто бодрствует больше,— удачливей в жизни своей.

О товарищ, ты знаешь — заботы мне смертью грозят,
И вернее, чем ты, сопечальника нет средь людей.

Видно, нет исцеленья страданьям твоим, о Бабур:
Как ни лечат тебя — твой недуг все больней, все сильней.

104

Не требуй от жителей мира сего хорошего:
Кто сам нехорош — не жди от того хорошего.

Дурное лишь в сердце вселяют сердец владычицы,
Не прожил я с ними и дня одного хорошего.

О сердце, в хорошем ты столько плохого видело,
Так что ж от плохого ты ждешь лишь всего хорошего?

Оказывай людям добро — нет завиднее памяти,
Коль скажут: «Мир много узнал от него хорошего!»

Бабур, на добро не способен род человеческий,
Не требуй от жителей мира сего хорошего.

105

Где стан ее, брови, лицо в кудрях?
Как быть? Я остался один впотьмах.

Я ждал не дождался, а ночь длинна,
И я заблудился в чужих краях.

Два локона черных, уста и стан —
Души моей гибель, для сердца — крах.

Зовешь ли меня ты, иль гонишь прочь,
Молчу — мое сердце в твоих руках.

Ведь кроме подруги — в моих делах
Осведомлен только один аллах.

Ох, как бы твой огненный вздох, Бабур,
Людей не спалил невзначай во прах!

106

Красавица, увы, опять зажгла меня,
пылаю перед ней — живая головня.

Сама ж она — свой взор едва в меня метнула
и больше не глядит, к плечу лицо клоня.

На улице твоей теперь светло и ночью,
так сжалься, появись на пепелище дня!

Я сжег былой покой, золой главу посыпал,
отныне жребий мой и пыль беды — родня!

«Бабур — твой раб, таким гордится и всевышний!..»
Но нет, не жарко ей у моего огня...

107

Снянье черное волос — погибель для моей души,
знянье черное, угроз обнтель в гнбельной глуши.

Безумья бездна, что для глаз тант несметную красу!..
Все стоны возношу за вас, безумцы, бедные мужн.

Рассыплешь волосы — заметь, как в этой россыпи густой
теряем души, а взамен надежд находим миражи.

А все ж, когда волос волна прнхлынет на берег плеча,
Бабур, беды нспив сполна, узрнт блаженства рубежн...

108

Опять от взора черных глаз душа моя больным-больна,
опять оковы черных кос лишнлн вольности сполна.

Звучат печалью этих губ ночей и утр нмена.
Что сон и радость прочь бегут — ее вина, ее внна.

Чем крепче я прнвязан к ней — тем отдаленней от нее,
зато, чем выше, тем светлей моя коварная луна.

Уже н цепь ее кудрей душе достаточно длинна...
Благодарн беду, Бабур: спасеньем кажется она.

109

Пустые сумеркн разлук пусть воля божья не сулит,
тоску, бормочущую вслух, и болн — больше не сулит.

Исчезнет черный свет очей — н почернеет день, как ночь!..
Такого злого дня, о друг, пусть рок мне тоже не сулнт.

Могу Меджнуну дать урок, как победнть беду любви:
терпеньем! — нет нных порук, что путь расхожий нн сулит

Ведь, не разжав упреком губ, она своих не кажет глаз,
не сняв с лнца стыдливых рук, мне горе горшее сулит.

Душа распята под пятой — Бабуру мнлость окажи,
не то, пройдя последний круг, с небес прощенья посулит...

110

Эта пери красой полонила безумье мое,
океем заняла и души захватила жилье.

Сколько зла принесла — нет ни счета, ни мер, ни границ.
Горечь горя вселила и в пищу мою, и в питье.

Одного ли меня оплела она сетью беды
или род человечий — в незримых тенетах ее?

Ни Фархад, ни Меджнун не знавали такого стыда.
А разумный на пытку не сменит вовек бытие.

Почему, о Бабур, нам дана не простая любовь —
эта гонка за горем, в груди и висках колотье?

111

В разлуке горчайшей настанет ли час кутежа —
не двинусь за чашей, веселья пригубить спеша.

Я болен любовью, а ты красотою пьяна.
Как выжить? С тобой — и с собою в разладе душа.

Я муки свои, как дирхемы, чеканю в груди,
в глазах же любимой не стоят они ни гроша!

Я душу ей отдал — ни взгляда, ни встречи взамен.
Свое бы вернуть мне, уже я не жду барыша!

Любовь меня сушит, тоска меня сводит на нет.
Развеюсь я прахом, под ветром пустынным шурша!

С того ли, Бабур, не оставишь ты в мире следа:
не столь хороша она, пери, что так хороша!..

112

Вот дар возлюбленной — разлука и чужбина.
Но вижу я и здесь ее, что так любима.

То мне грозит мечом, то целится стрелой —
каких ни принял мук от злобы голубиной!

Стенания мои тревожат всех вокруг —
зову я смерть: приди, прими в свои глубины...

Бабур, несносна жизнь — блаженнее стократ
забвения и тьмы покров неколебимый!

113

Эта ветвь с бутоном белым — нежный стан ее напомнит,
словно мускусом Хотана здесь и там простор наполнит.

Если и достигну рая — без нее блаженства нету:
память улочки вот этой все отравою напоит.

Перед этим стройным станом кипарис глядит сутулю,
а тюльпан в тоске увянет, этой ручкою не поднят.

Проливаю слез арыки — и, однако, сохну с горя,
как в саду забытый кустик, влагой нежности не полит.

Ах, она добра, я знаю, и не хочет зла Бабуру,
но не смею слова молвить и, боюсь, уйду, непонят...

114

Черты твои и краски, весь несравненный лик —
жасмин, фиалок россыпь и пряный базилик.

А твой язык, и зубы, и пламя жарких губ —
агат, и нежный жемчуг, и алый сердолик.

Перед красой, сияньем и холодностью сей
глаз — стынет, сердце — стонет, душа — терпеть велит.

Мечтанья обнищали, унижен я и худ
с разлуки, и печали, и странических лих.

Она ж всего три слова и молвила, Бабур:
в том — ложь, в другом — презренье, а третье —
злобный крик...

115

Зубы — жемчуг, ланиты — атлас, губы — пара малиновых
бусин.
Драгоценные вина речей, чей сосуд так высоко искусен.

Взор ли гордый покорен душе, иль душа повинуется взору —
пред тобой они слились в одно, как река перед собственным
устьем.

Где такую найти на земле? — это гурия горнего рая!
Но даруют ли грешнику рай? Нет, взывают грехи,
не допустим!

Расставанье с тобою — как смерть, исцеление — новая
встреча.
Горше яда — досада твоя, когда взор неулыбчив и грустен.

Вот он, раб твой, печальный Бабур, дай же пищи душе
отощавшей,
ведь не сыщешь вернее раба, если этого смерти отпустим.

116

Эти волосы увидишь — закружится голова.
Что там! Глянешь в эти очи — жив останешься едва.

Если ж пустят луки-брови тучу стрел из озорства —
равнодушный и влюбленный никнут рядом, как трава.

Поведет она очами, как китайская газель —
чувств лишаясь, мы почуем запах мускуса сперва.

Страсть одна пронзает душу, ум терзает та же страсть:
жизнь отдав, на эту прелесть обрести на миг права.

Ах Бабур, ведь чем сильнее, тем и слаще этот гнет!
Уж таков ее обычай: красота всегда права.

117

Свиданья отменяет все снова, снова, снова,
разлукой превращает влюбленного в больного.

Как, не любя, понять ей: не то я, что другие —
мой вздох скрывает рану и прячет муку слово.

Но если во вселенной и есть свиданью место —
мое признанье будет отвергнуто сурово!

Что толку, о подвижник, в посте и покаяньи,
когда любви и веры подорвана основа?!..

Не ждите исцеленья для бедного Бабура —
спасти меня способен лишь зов ее медовый...

118

О, сколько долгих-долгих лет я отдал горю и досадам,
Когда и праздник — горше бед, а радость в кубок льется ядом!

Я, сломленный, почти без сил, из чаши рока пил отраву,
И кубок Джама горек был, безрадостен и чужд усладам.

О друге в милой стороне не надо говорить, о други,—
Что целый мир, что люди мне,— от них отторгнут я разладом!

Мне радость пиршеств не нужна, когда с тобою разлучен я,
Благословенны времена, когда с тобой я буду рядом!

Пока, Бабур, ты стонешь тут, стеная в горестной разлуке,
Пусть на пиру певцы поют и горестным и тихим ладом!

119

Снискал я тягостный позор моей любовью сумасброда,—
Никто не ведал до сих пор в любви столь горького исхода!

И сколько раз, сдержав порыв, себя я связывал зароком,
И вновь, посмешищем прослыв, был притчей на устах у сброда!

Какая участь мне дана — в разлуке кровью захлебнуться,—
Мужам веселья и вина навек чужда моя невзгода!

Нет, шейху звук стихов не люб: меня корит он за напевы,—
А что поделать, если глуп,— уж такова его порода!

Не диво, что уже давно любовь измучила Бабура:
Известно, что любовь — одно, а разум — дар иного рода!

120

Смертельным сном забылся я и стал от мира отрешен,
Свести со мною вас, друзья, отныне может только сон!

Когда назначена судьба, ее никто не обойдет,
И не помогут ни борьба, ни боль терпения, ни стон.

Весельем одолей недуг и скорбью мира не томись:
Единого мгновенья мук, поверь, совсем не стоит он!

О сердце, сыщется ли где на этом свете хоть один,
Как ты, влачившийся в беде, как я, познавший гнет времен?

Увы, от тягот бытия покоя я, Бабур, не знал,
И только смертью буду я от козней мира отрешен!

121

Мечом той пери не страшин меня, соперник-лиходей,
Всё — и любовь и боль души — ниспослано судьбой моей.

Когда я верен стал тебе, я дом и кров свой позабыл,—
Скитальца в горестной судьбе, о чаровница, пожалей.

Мне участь нестерпимых мук и гнет безумья суждены,
Когда та пери выйдет вдруг в одежде красочной своей.

О лекарь, больно вынимать в душе засевшую стрелу,—
Ты понапрасну сил не трать, моим страданьям не радей.

От розы будет ли ответ на стон твоих стихов, Бабур,—
Ей, беззаботной, горя нет, когда стенает соловей!

122

Тьма кос и лика лунный свет отняли всё сполна:
И днем душе покоя нет, и ночью не до сна!

К каким пределам ни пойду, везде со мной печаль,
Везде ношу свою беду, судьба моя грустна.

И сотни горестных забот, и тысячи невзгод,—
Та доля, что меня гнетет, другому не дана!

С моим светилом разлучен, горю в горниле мук,
Мне сердце жжет со всех сторон, душа истомлена.

Когда ты от страданий хмур, бедою не делись,
На людях не рыдай, Бабур, им боль твоя смешна!

123

Кому среди людей дано блюсти обет добра?
От самых лучших — всё равно не жди в ответ добра!

Что жду добра я от времен, не ставьте мне в вину,—
Весь век свой был я осужден не знать примет добра.

И от красавиц доля бед досталась на беду: ·
Хоть и влюблен, мне в этот свет не светит свет добра!

От добрых знало ты и ложь, о сердце, и обман,—
Чего же от дурных ты ждешь, в которых нет добра!

Всю жизнь свою отдай делам, добрей которых нет,
И скажут: «Он, радея нам, оставил след добра!»

Ты дружбы от людей земли не требуй, как Бабур,
Кто видел, чтобы люди чли в делах завет добра?

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Желанной цели должен ты добиться, человек,
Иль ничего пускай тебе не снится, человек.
А если этих двух задач не сможешь ты решить —
Уйди куда-нибудь, живи, как птица, человек!

2

Бродягой стань, но не рабом домашнего хламья.
Отдам и этот мир и тот за нищий угол я.
Бродяжничество — не позор, и нищенство — не срам,
Уйти куда глаза глядят — давно мечта моя!

3

Не жертва скопидомства я, не пленник серебра,
В добре домашнем для себя не вижу я добра.
Не говорите, что Бабур не завершил пути,—
На месте долго не стою. Мне снова в путь пора.

4

За эту поступь душу рад ей в жертву принести,
Два мира за один лишь взгляд — ей в жертву принести,
Все бытие с небытием — таким губам цена.
Я плоть и душу рад стократ ей в жертву принести.

5

О роза, почему я вновь обижен был тобой?
Я столько мук прошел, пока приближен был тобой,

Но близостью твоей, увы, недолго счастлив был.
Я отстранен! За что я так унижен был тобой?

6

Твоих обид не дай господь ни другу, ни врагу!
Пылинки верности в тебе найти я не могу.
И если голову у ног твоих я не сложил,
То, захватив ее с собой, подальше убегу.

7

Ты на чужбине — и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.

8

Хоть временем на краткий срок и вознесен твой враг,
Вином победы два-три дня он опьянен, твой враг.
Пусть кажется, что до небес он вырос,— не горюй:
Ведь низок он, и будет вновь с землей сравнен твой враг.

9

Ты затруднение мое, художник, разреши:
Здесь на платке узор такой искусный напиши,
Чтоб мысли все мои на нем любимая прочла,
Чтоб ей открылся весь тайник тоскующей души!

10

Ты — роза яркая, но я — ничтожный соловей.
Ты — пламя жаркое, но я — зола, возьми, развей!
«Нет соответствия!..» Но ты не избегай меня:
Народам — царь, я стал рабом по прихоти твоей!

11

И трезвенников этот взгляд всех в пьяниц превратит!
А пьяниц — в сумасшедших твой румянец превратит!
А души тех, кто, как Бабур, благочестив и строг,
Твой смех из рая уведет, в изгнанниц превратит!

12

Что делать мне? Любовь мой ум ослабила, увы!
Лишила воли, мой покой ограбила, увы!
Где имя доброе мое? Где мужество мое?
Любовь к тебе меня совсем обабила, увы!

13

Каких страданий не терпел и тяжких бед Бабур?
Каких не знал измен, обид, каких клевет Бабур?
Но кто прочтет «Бабур-наме», увидит, сколько мук
И сколько горя перенес царь и поэт Бабур!

14

Я ни своим и ни чужим ни в чем не угожу.
Соперник — зол, возлюбленной — бельмом в глазу
служу.
Как ни стремлюсь я делать всем добро, однако сам,
Увы, живою притчей зла среди людей брожу.

15

Изранен стрелами тоски был, как мишень, я весь.
Тебя благодарю — принес ты утешенья весть.
Чем радость выскажу свою? Ведь это все равно,
Как если б мертвецу принес ты возрожденья весть.

16

Лишь от надежды встречи с ней возрождена душа.
За все страданья будешь ты награждена, душа!
Еще силен разлуки гнет, но, мысля о тебе,
Я счастлив: в мире й меня ждет хоть одна душа!

17

О сердце ледяном, что жжет сильней печей, сказать?
Иль об игривых огоньках твоих очей сказать?
О сладком пении твоем, иль об игре твоей,
Иль, может быть, о сахаре твоих речей сказать?

18

Зайди поговорить, попить,— моих гостей возглавь.
Себя на время от мирских забот вином избавь.
Когда войскам веселья дан приказ идти в поход,
Усталым воинам труда ты отдых предоставь!

19

Иду я, как в бреду, несу свою беду,
И с ношею такой из жизни я уйду,
Хоть знаю: здесь, где ты, не отыскал я счастья,
А там, где нет тебя, подавно не найду.

20

Что хочешь делай, бог, с моей душой и телом.
Мой сделай черным лик, иль сделай лик мой белым.
В пыль преврати, во прах немилостью своей
Или приблизь меня к щедрот своих пределам.

21

Все, что ни есть вокруг,— все ты, все ты и ты!
Дыханье, сердца стук — все ты, все ты и ты!
Любовь и жизнь моя и в том и в этом мире,
Мой самый лучший друг — все ты, все ты и ты!

22

О, не толкай, душа, меня ты к лавке винной,
Не делай домом зла дом радости невинной.
Как пряди милых кос, мне сердце не трепли
И грудь мне не кровавь, как милых губ рубины.

23

Я неучтив порой, и милая не рада.
Не так я посмотрю — берет ее досада.
Наверно, вообще любимых нет таких,
Что из-за пустяков на нас не хмурят взгляда.

24

Коса ее — силок, я залетел туда.
Смятенный, сбит я с ног и ослеплен — беда!
Мне жаль тебя, Бабур: в делах своих любовных
Как ни ведешь себя, ты каешься всегда.

25

Любовник молодой, целуй свою подругу!
Считайте счастьем то, что вас влечет друг к другу.
Коль вместе быть вам миг, ловите этот миг.
Судьба — проклятый круг, несутся дни по кругу.

26

В огне ее волос не должен ты гореть,
Не должен жертвой стать, попав в тугую сеть.
И от любви бежать не должен ты, но должен
Любить и ни о чем потом не сожалеть.

27

В чертоге глаз моих ты снова отразилась —
И мой недуг утих и сердце оживилось.
И показалось мне, что весь подлунный мир
Упал к моим ногам и сдался мне на милость.

28

Теплом своей души ты душу мне согрела,
А следом за душой и тело разомлело.
Так будь и впредь добра и грубостью своей
Мне душу не студи, не отделяй от тела!

29

Чужбине заплатил своею кровью дань я.
Мое лицо давно покрыла пыль изгнанья.
Мне страшно расспросить о том, как ты жила,
Мне страшно говорить и про свои страданья.

30

О роза, я твой раб, а ты — моя душа.
Я ни о ком не пел, любовью не греша.
Но о тебе пою, как соловей влюбленный.
И звонок голос мой, и песня хороша.

31

О милая, с тобой добиться встречи трудно,
Выслушивать твои благие речи трудно.
И позабыть любовь, хоть вспомнить нечем,— трудно.
И бросить это все, уйти далече — трудно!

32

С надеждою к тебе я шел, моя луна,
Я счастья не нашел, ушел, моя луна.
Страданье по тебе — единственный мой спутник,
А путь мой так тяжел, тяжел, моя луна!

33

Повсюду снег и снег — над полем, над рекой.
Снег радостен для тех, в чьем сердце есть покой.
О боже, предо мной все замело дороги.
На путь добра меня направь своей рукой!

34

Ты, милая, со мной то ласкова, то зла.
Для раны моей души то пластырь, то игла.
И сам бы не был я то весел, то печален,
Когда бы ты со мной всегда добра была.

35

Те не поймут любви, что сами не любили.
Для той, кого любил, мои страданья были
Ничтожнее, чем пыль. Что ж, я ушел навек.
Теперь она моей не сыщет даже пыли.

36

В разлуке заболел и ослабел Бабур.
Стал от своей тоски и стар, и бел Бабур,
Бабур тебе послал в подарок померанец,
Чтоб поняла и ты, как пожелтел Бабур.

37

Я старше, мне учить, тебе учиться, брат,
Лишь ныне понял я, что жизнь, как птица, брат.
Лови ее сейчас, люби сегодня милых,
Ведь завтра этот день не повторится, брат!

38

Разлука — это край, где я воздвиг жилище.
Пустынный край — не рай, мое жилище нище.
А я еще живу, клянусь, лишь потому,
Что образ твой — мой свет, мое питье и пища!

39

Как мы живем? Ты — там и весела и рада,
А я в разлуке здесь терплю мученья ада.
Но образ твой во мне, твой образ предо мной,
И, честно говоря, мне ничего не надо.

40

Вновь я веселым стал, увидев твой платок.
Я знаю: птица я, а твой платок — силок.
И нить своей души с его связал я нитью,
Нарушить эту связь попробовал — не смог!

41

В разлуке с нею жизнь мне кажется тюрьмой.
Чтоб встречи с ней достичь — безвольный я, немой
Чтоб тайну разделить, где друг мой в этом мире?
Чтобы излить печаль, где сопечальник мой?

42

Твоим стихам звенеть, пока есть жизнь и горе.
Читать их будут, петь с безумием во взоре.
Слова их — жемчуг. Нет! Что жемчуг: в море он.
В жемчужинах твоих в самих бушует море!

43

Как царство, сердце ей я отдал во владенье.
К владенью своему она полна презренья.
О, горе тем краям, чей равнодушен царь:
Судьба их решена — разруха, запустенье.

44

Я напишу письмо тебе — моей царице.
Взамен пера из век я выдерну ресницы.
Я выколю зрачки, чтоб не искать чернил,
Я испишу белки, как белые страницы.

45

К тебе нисходит бог, пророков всех минуя.
Владычица владык, тебя люблю одну я.
Ты для людей земли убежище добра.
Так где же мне искать заступницу иную?

46

Доколь разумных слов не понимать ты будешь?
Хороших от плохих не отличать ты будешь?
Ты так живи, чтоб был тобой доволен бог,
И всем его рабам тогда подстать ты будешь!

47

Растерян я, смятен и помощь, словно чуда,
Я жду лишь от тебя и больше ниоткуда.
Обращена всегда моя мольба к тебе,
Владыка двух миров, всесильнее Махмуда.

48

Читал твое письмо и повторял, как стих.
Читал и понимал, что должен быть в живых.
Сто жарких клятв твоих я видел в каждом слове,
И в каждой букве сто порывов чувств твоих.

49

В пути любви к тебе я пью разлуки яд.
А есть ли путь любви, что не похож на ад?
Коль есть, так покажи, и встречусь я с тобою,
А если нет, уйду, куда глаза глядят.

50

Коль вспомнишь обо мне в разлуке добрым словом,
Недужного меня ты сделаешь здоровым.
Для этого тебе я и пишу письмо.
На мой далекий зов и ты откликнись зовом.

51

Ты намекнул о милости несмело.
Не беспокойся, наше слово — дело.
Ты попросил одежду и зерно.
Зерно наполнит дом, одежду — тело.

52

Завистники в меня бросали грязь, ей-богу.
Наслушалась ты их и поддалась, ей-богу,
Ты бросила меня, хоть излечить могла
Скорей, чем лекаря, трава и мазь, ей-богу.

53

Из-за твоих очей, что расплавляют лед,
Из-за твоих речей, что расточают мед,
Из-за твоих волос, что оплели мне душу,
Я твой покорный раб теперь и наперед.

چار حد این چشمه به سیاق و گونیا ساختنی شد در وقت شگفتن گل ارغوان این قدر جا
معلوم نیست که در عالم بوده باشد ارغوان زرد هم بسیار میشود ارغوان زرد و ارغوان

54

Любить, страдать меня ты обрекла навечно.
Я о тебе грущу, ты о другом, конечно.
Пусть будет тот, другой, с тобой бездушен так,
Как ты со мной всегда бездушна, бессердечна.

55

Земля твоей красой, как солнцем, озарилась,
А я тянусь к тебе, где б ты ни находилась.
Так позови меня скорее, сделай милость,
Или приди сама — терпенье истощилось.

56

Коль обо мне вчера подумал кто-нибудь,
Я говорю ему: «И завтра не забудь,
Считай меня своим товарищем надежным
И так же, как вчера, мне завтра верен будь!»

57

Я о тебе мечтать могу издалека.
Мечтаю о тебе — уходит прочь тоска.
И хоть печали нет печальнее разлуки,
От мысли о тебе печаль моя легка.

58

Моя любовь тяжка, она горы огромней.
Я сам ее воздвиг, и потому легко мне.
Ты говорила мне: «В разлуке не забудь!»
Коль мне тебя забыть, кого — скажи — мне помнить?

59

Не знала ты любви, не ведала тревог —
Я много претерпел, но больше я не мог.
Ты не заметила, как я тебя покинул:
Не все ль тебе равно, я близок иль далек?

60

Я дал любви обет, чего еще ты хочешь?
Не мил мне белый свет, чего еще ты хочешь?
Ты заставляешь ждать, и я все жду и жду,
Прождал я много лет, чего еще ты хочешь?

61

Я счастья и удач не жду, и каждый день я
Не радостей прошу, ввысь вознося моленья.
Коль счастья в мире нет, с судьбой смирись, Бабур,
К несчастью и беде вымаливай терпенье.

62

Жестокости закон нам соблюдать зачем?
Взрастив траву любви, топтать и рвать зачем?
Менять любовь на гнев и нежность на жестокость,
Меня то гнать, то звать, то гнать опять зачем?

63

О ветер, ты за день весь облетаешь свет.
Лети в ту землю, где я не был много лет.
Кто позабыл меня, тех не тревожь напрасно,
Кто помнит обо мне, тем передай привет.

64

На плечи взвалит мне свой тяжкий гнет разлука.
Сто горестей, сто бед мне принесет разлука.
Передо мной запрёт к любимой вход разлука,
Меня согнет, спаси, меня убьет разлука!

65

О взгляде дорогом я людям не скажу,
О голосе твоем я людям не скажу,
Как ты мила, о том я людям не скажу,
Что я горю огнем, я людям не скажу.

66

Где то вино, чтоб стать мне пьяницей отпетым?
Михраб не для меня, не стать святым мне, где там!
Нет способа, чтоб мне на путь разврата встать,
Нет воли у меня — и мне не стать аскетом.

67

Не жги меня огнем, и так страданий много,
Печальней с каждым днем не делай, недотрога.
Надежды не лишай, коль у тебя самой
Еще надежда есть на милосердье бога.

68

К ней рвусь я наяву и рвусь во сне, что делать?
Но нет, не нужен я моей луне, что делать?
Я плачу день и ночь, горю в огне, что делать?
Что делать мне, увы, что делать мне, что делать?

69

О ты, чей лик — луна, взгляд горячей огня.
О ты, чье сердце — сталь, а печень из кремня,
Коль не найдешь в душе приветливого слова,
Хоть бранью площадной ты помяни меня!

70

Проснись, Захириддин Мухаммад-шах Бабур,
Очнись, Захириддин Мухаммад-шах Бабур,
Освободись от всех оков земного счастья,
Смирись, Захириддин Мухаммад-шах Бабур.

71

Тому, кто свет искал и знания постиг,
Достойный ученик нужнее всяких книг.
Я многое постиг, но нищ учениками,
Быть может потому, что сам я ученик.

72

Я сердцу говорю: «Любовью не живи,
Тебе, увы, не стать счастливей от любви!»
А есть ли в мире тот, кто знал в любви удачу?
Коль есть, скажу ему: «Судьбу благослови!»

73

Меня судьба, увы, измучила вконец.
Оторвала давно от любящих сердец.
Чего-чего она мне только не дарила:
И горе, и позор, и царственный венец.

74

Я голосом твоим и взглядом околдован.
Я болен, мне удел печальный уготован.
Мне убежать бы прочь, бежать я не могу:
К тебе косой твоей, как цепью, я прикован.

75

Коль было б у небес побольше доброты,
Чтобы сбывались все влюбленных душ мечты
Тогда и я, Бабур, свое зажег бы сердце,
И, может быть, меня тогда б любила ты.

76

Я слышу снова шум пиров и пьяных драк —
Подлунный мир, увы, походит на кабак.
Не слушайся врага, внимай совету друга.
А друга не поймешь, обрадуется враг.

77

Тебе, моя любовь, я душу-храм отдам,
И голову свою тебе я сам отдам,
И печень, что горит, и сердце, что болит,
Я в жертву волосам твоим, глазам отдам!

78

О, если бы ко мне благоволил эмир!
Тогда войною пусть на нас идет весь мир!
О, если бы всегда взирал бы добрым взором
На своего раба он — царь мой и кумир!

79

Мечтает сердце быть с тобою вместе снова.
Оно не в силах жить без друга дорогого.
Как я к тебе стремлюсь, я говорить боюсь:
Стремление к тебе сильнее дара слова.

80

Написаны мои стихи не очень гладко:
Порой в них связи нет, порою нет порядка.
Но я тебе их шлю, чтоб получить твои
Стихи, в которых нет и тени недостатка.

81

Твой почерк увидав, я испытал смятенье,
Прочтя твои стихи, я испытал волненье.
Не говори, что я пренебрегал тобой.
Виной всему дела и звезд расположенье.

82

Доколь в разлуке злой все ночи до утра
Мне говорить с тобой лишь языком пера?
Ты — там, я — здесь, с тобой я жажду встречи новой,
Нам встретиться, мой друг, поговорить пора.

83

Без взгляда твоего и сладкозвучных фраз
В далекой стороне едва я не угас.
Ты злишься на меня и не даешь ответа.
Я больше не могу твоих не видеть глаз.

84

О воины, у вас есть доблесть, нету силы.
Сойдите с этих стен, как вам они ни милы.
Два выхода у вас, у полумертвых, есть:
Ворота отворить или сойти в могилы.

85

Когда беда пришла, с бедой смириться трудно.
Когда грохочет бой, вина напиться трудно.
Когда не пьешь вина, увы, забыться трудно.
От любящих уйти иль отстраниться трудно.

86

Кто презирает всех, презрения достоин.
Жестокий человек мучения достоин.
Хорошим людям бог хороших даст в друзья,
А кто с другими плох, отмщения достоин.

87

То, что скажу тебе, не блажь, не болтовня,
Внемли моим словам, свою главу склоня.
То, что скажу тебе, не терпит возраженья,
И ты не возражай, не огорчай меня!

88

Что делать нам, увы, нам не верна судьба,
Бессилен я пред ней, со мной она груба.
Судьба подарит день свидания, а после
Разлуки ночь нашлет на своего раба.

89

Коль совершил я зло и омрачнл твой взгляд,
Скорблю, что не могу все повериуть назад.
Я плохо поступил, я сам тому не рад,
Но я б тебя простил, простн, я виноват!

90

Поэт любнмый мой, ты средь поэтов — хаи.
Твой стих — родинк живой, твой стнх — стнхов султан.
Слова твонх стнхов средь слов произнесенных
Как светлый луч, во мгле пронзающнй туман.

91

Услышать я хотел твой сладкозвучный стнх.
Когда он прозвенел, казалось, мир затнх.
В глазах монх светло от ровных черных строчек,
И жемчуг слов твоих звучит в ушах монх.

92

Покинули меня терпенье н покой.
Печаль свою кляня, я слезы лью рекой.
Я к вере охладел, в делах не преуспел,
Что делать мне, ндтн дорогою какой?

93

Когда меня ты вспомнил, друг мой милый,
Во тьме светло мне стало вдруг, мой мнлый.
Нам свидеться нельзя, но теплый твой привет
Мой излечил недуг, болезнь разлук, мой милый.

94

Чтоб счастьем взгляд зажечь, ты, видит бог, пришла,
Чтоб дом своих страстей дотла я сжег, пришла.
Благодарю тебя, сто раз тебе спасибо,
Что, наконец, ко мне на огонек пришла.

95

Для пламени любви я вновь добычей стал.
Влюбленный н больной, я грустной притчей стал.
Я слышал о тебе, н хоть тебя не видел,
Я петь н прославлять твое величье стал.

96

Перед твоей красой померкла солнца слава.
Я — пленник слов твоих и ангельского нрава.
Ты письма пишешь мие, а ты приди сама
Иль позови меня, я нсстрадался, право!

97

Я счастлив, наконец, светла моя звезда,
Любимая со мной нежна, добра всегда,
И если из-за дел приду я на свиданье
Немножечко позднеи, ей-богу, не беда.

98

В разлуке грусть моя огромною была,
Скорбящая душа бездомною была.
От жарких слез моих, от дыма горьких вздохов
Дорога хлюпкою, ночь темною была.

99

Несправедливой ты всегда была со мной.
От льда твоей души я мучился, больной.
Но мысли о тебе мне радость приносили,
Когда вдали от всех я жил тобой одной.

100

Я горя перенес немало, что мне делать?
Позором жизнь меня пытала, что мне делать?
Я, полюбив тебя, пожертвовал душой,
Но ты моей душой не стала, что мне делать?

101

Как в прежние года, наступнт рамазан —
И в праздники и в пост передо мной стакан.
Я не молюсь давно и не пощусь давно,
От вин и анаши безумен я и пьян.

102

Болезнь меня трясла, я бредил и горел,
Изнемогал без сил, в заботах я скорбел,
Я видел много зла, я белым стал, как мел.
Ты обо мне спросил, и я повеселел.

103

Где розы — там шипы, зло в радости, ну что ж!
Без горечи в вине нет сладости, ну что ж!
Вот и в моих стихах, то грустных, то веселых,
И взлеты есть порой, и слабости, ну что ж!

104

В степях чужой страны запутаны дороги.
Мне не по силам путь: мои ослабли ноги.
Спасибо хоть за то, что вести о тебе
Приходят в этот край, врачуя все тревоги.

105

Кто жалкие слова с обидой говорит,
Тот или неумен, иль ищет сам обид.
Я дам тебе совет: смывай вином обиды —
Сам знаешь, тот, кто пьян, обиды не хранит.

106

Я шлю тебе платок, такой, как ты хотела,
Из ткани желтой он и тонкой до предела.
Внимательней всмотрись, похож он на меня:
Желт, как мое лицо, и невесом, как тело.

107

Ужель ты, наконец, нарушила молчанье!
Принес мне твой гонец надежду на свиданье.
Я твоему гонцу готов был стать рабом —
Твой раб освободил владыку от страданья.

108

Нет родины и счастья боле нет,
И ничего уж, кроме боли, нет.
Я в этот край пришел своею волей,
Его оставить силы воли нет.

109

Уж лучше совершить тяжелых сто грехов,
Принять сто тяжких мук, сто обрести врагов,
Чем, став ослушником, родителя обидеть,
Чем не прийти к нему в тяжелый час на зов.

110

Оставив путь греха и бросив пить, я много
Лишений перенес и мук во имя бога.
Не рано ль я врата раскаянью открыл,
Не очень ли уж я к себе отнесся строго?

111

Я дал обет не пить, связал себя обетом.
Что делать мне, как жить, чьим следовать советам?
Раскаясь, пьющие дают зарок не пить,
Я дал зарок не пить и каюсь только в этом.

112

Чужбина — клетка, в ней постыло все, немило.
Давно моя душа, как птица, загрустила.
Что претерпел я здесь, мне трудно описать:
Смывают слезы глаз с лица письма чернила.

113

В душе моей огонь, в глазах слеза всегда.
От удали былой ни тени, ни следа.
Тягучий день забот сменяет ночь разлуки.
Покоя нету днем, нет ночью сна, беда!

114

Бессонницею ночь меня пытает строго.
Днем жжет меня огонь — о, сжалься ради бога!
Мой сон с терпеньем схож, с огнем — моя тревога.
Как мало одного и как другого много!

115

Не вечно ничего: ни осень, ни весна,
Не верен другу друг, подруга не верна.
Спеша, вертится круг, напрасно жизнь проходит,
Безрадостна, увы, и коротка она!

116

Я снова средь друзей — о долгожданный миг!
К потоку их речей я с жадностью приник.
Как трудно мне, друзья: ведь я за эти годы,
Привыкнув горевать, от радостей отвык!

117

Я увидел тебя — и померк белый свет!
Этот день для меня стал источником бед.
Я надеялся сердце спасти от любви,
Но влюбленному сердцу спасения нет!

118

Не обижусь на шутки твои, о душа!
Приласкаешь меня, я замру, чуть дыша.
Холодна ты со мной иль со мной ты нежна,
Весела иль грустна — все равно хороша!

119

От печали я пьян, если нету вина!
Грустно сердце мое, и душа смущена.
Трезвость больше, чем грусть, убивает меня —
Если чаша пуста, то и жизнь неполна!

120

Поскорей пробудись, отряхни нежный сон,
Стань смеющейся розой, мой алый бутон!
Чангом звучным своим в плен ты сердце взяла,
Стонет в чанге оно — о, услышь этот стон!

121

К нежной розе смеющейся, ветер, лети,
К солнцеликой луне, что мне светит в пути.
От Бабура горячий привет передай,
Мне роднее ее никого не найти.

122

О ветерок, дорогами любыми
до тех домчись, что так давно любимы,
скажи — я жив и жажду одного:
чтоб и они хоть где-то жили, были...

123

Игрою слов, уловкой глаз лисьих
Бабура вознесла, к себе приблизив.
А там — воздвигла тысячи преград,
бедой любви безжалостно унизив...

124

Близ этих глаз — красавиц мучит зависть.
Взор этот душу выжег мне, вгрызаясь,
Мои зрачки, от черных тех очей
сгорев — чернее угля оказались!

125

Услышав голос этого певца,
в слезах былое вспомнили сердца.
Что ж, имена столь близкие услышав,
вы моего не вспомните лица?

126

Вселенная, Бабур, несла нам столько зла —
уже терпенья нет, а бедам нет числа.
Таков удел души в несовершенном мире,
где нас со всем родным разлука развела.

127

Ты вспомнила меня в глухой дали разлуки —
и страсти страждущей укоротила муки.
Та милость такова, как если б черный куб
Каабы рухнувшей кто поднял из разрухи!

128

Мне слез не удержать, их жаркого теченья.
Чего ни повидал за годы разлученья!
Но солнце твоего лучистого лица
на небе памяти затмить не мог ничем я...

129

В разлуке вспомни — и такой наградой
мою печаль бессонную обрадуй.
Ведь и пишу тебе лишь для того,
чтоб в эту память втиснуться украдкой...

130

О луноликая, лишавшая покоя!
Моей любовью став, ты сделалась другою:
я напрочь разорен, тебе ж и нужды нет!
О горе, горе мне, о горе мне, о горе...

131

С тех пор, как мы друг друга повстречали,
твоя любовь несет одни печали.
Не ведая, неверным назвала!
Но в чем неверность, отвечай вначале?

132

В ста письмах я к тебе с любовью набивался,
на разных сто ладов свиданья добивался.
Добился — и узрел совсем не то, что ждал...
Прости — но я тобой отнюдь не любовался!

133

Красу твою так дружно славят все —
как мне назначить встречу сей красе?
А ежели не удостоюсь счастья —
какой глухой довериться стезе?..

134

Спокоен будь, я дам всего, что хочешь,
и даже должность, что себе ты прочишь.
Зерна — по горло, и одежд любых...
Всех главных благ, и всех достатков прочих!

135

Пускай живут завистники подале,
что нам разлуку горькую гадали.
Чем ближе мы, тем дальше будь от них —
их злобных глаз, хулы и назиданий.

136

Волну твоих волос воображаю часто,
с тобой мечтаю видеться всечасно...
И, словно мертвых,— ветер с губ Исы,
весть о тебе живит мой дух несчастный!

137

Свою просторно строенную баню
с самим собой сравню без колебанья:
в работе — жаждет пота, пыла, слез;
красавиц ждет, от жара погибая!..

138

Ушел юнцом... Увы, беде в угоду
не длите слез осеннюю погоду.
И все ж за каждую слезу о нем
пускай судьба добавит вам по году.

139

Так груз разлук мои измучил плечи,
что нынче лучше говорить о встрече.
Придешь ли ради самого меня?—
я все исполню, просьбам не переча!

140

Я милостей твоих так пламенно желаю:
чтоб там, где я живу, и ты всегда жила и
кокетством сладостным растила сад души,
покорности моей снимая урожаи...

141

Нет выше счастья в лоне мира злого:
когда близки любимой тайны слова!
Враги вредят нам злобою своей —
друзья непониманьем мучат снова.

142

Сначала — милость, после — угнетенье...
Я стал от страсти собственною тенью!
А ты все это видишь — и молчишь.
Не любишь? Что же... примирюсь и с тем я!..

143

Взимает небосвод сплошную дань скитаний,
однако не уймет сердечной боли давней.
Хотел бы я понять, что замышлял господь:
страданья — для меня, меня ли — для страданий?..

144

Страною правя, чти людей труда,
от них не отделяясь никогда.
Забудь свои пристрастья и обиды,
внимай их бедам, а не то — беда.

145

По кругу бедствий рок пустил терпенья чашу,
на цепь разлук обрек в чужбине верность нашу.
Но вышел горю срок, лихое позади,
и счастье — на порог, так долго пустовавший!

146

О нежный ветерок, скорее в Хорасан,
растерянной красе приникни к волосам,
шепни ей: столько раз сама ко мне спешила,
теперь же к ней в тоске о том взываю сам!

147

Письмо мое прочти — мою узнаешь руку —
и легче ветерка спеши навстречу другу.
Прочел твои глаза — и написал ответ;
скорей же, твой черед, довольно длить разлуку.

148

День ото дня сильней мой жар тиранит тело,
а сон — бежит от глаз, едва заря зардела.
Они подстать моим терпенью и беде:
кончается одно, другой же — нет предела.

149

Хочу все чаще я беседовать с людьми,
да только, как начать — не ведаю, пойми.
Ведь вовсе не по мне кутеж и развлеченья:
я мир прошел в труде и горем мерил мир...

150

Пред милостью твоей равны беда, удача.
Ты можешь так решить — а рассудить иначе.
Яви же милость мне! А горе — соразмерь
с терпеньем, чтоб была по силам мне задача.

151

О неземной твоей красе твердили мне всегда,
Чтоб убедиться в том, я сам сейчас пришел сюда.
Коль головы не положить мне на твои колена,
Прочь, голову сломя, уйду, неведомо куда.

152

Пора свиданий и друзей — это и есть весна,
Напев стихов, пора любви, в крови огонь вина.
И кто, хотя б однажды, мог познать все это сразу,
Тот счастье пробовал на вкус, все получил сполна.

153

Грешим мы бранью, за добро друг другу платим злом,
Себе и ближнему беду мы сами создаем.
Как много боли и обид в своих мы душах копим
И отмываем их потом слезами и вином.

154

От родины вдали мне пребывать доколе?
Здесь нет покоя мне, зато довольно боли.
По воле собственной я в этот край пришел,
Покинуть не могу его по доброй воле.

155

Что ни день, лихорадит меня, исцелиться едва ль!
Что ни ночь, мне не спится; зачем я пришел в эту даль?
Жар мой, сон мой с печалью и стойкостью схожи:
Убавляется стойкость моя, прибывает печаль.

ОТРЫВКИ

1

Терпеть мне приходилось от людей
И притесненье и обман не раз...
Чем обещания обоих царств,
Не лучше ль бекство малое сейчас?

2

Нет у меня обиды на тебя,
Я не сержусь, хоть нет с тобою сладу.
Жестокой будь иль милость прояви,—
Я все приму, как высшую награду.

3

Распутного кази, что мною послан,
Верни назад, чтоб не было беды.
С ним, если хочешь, мне пошли в подарок
Вина и померанцевой воды.

4

Мечты о ней мою тревогу лечат,
Хоть все надежды тщетны — знаю сам.
Не выдавай, мой друг, заветной тайны,
Прошу я лишь об этом. Вассалам[1].

5

Коль встреча с милой ждет нас на чужбине,
Зачем тогда родная сторона?
Мне ныне милая письмо прислала.
Не письма мне — она сама нужна!

ДВУСТИШИЯ

1

Без милой ничему душа моя не рада,
Ничто не мило мне и ничего не надо.

2

Я смерти не боюсь, но я боюсь разлуки.
Пусть причинят мне смерть твои глаза и руки.

3

Пылает губ ее бутон, раскроется бутон.
Не для меня, кто в них влюблен, раскроется бутон.

4

В подлунном мире ничего нет сладостней свиданья, брат,
И все ж не оценить его не знавшим расставанья, брат.

5

Нам нравится подчас то больше, что вдали:
Друг, что далек от нас, дни, что давно прошли.

6

Ты хочешь дружбы — докажи: скорей приди ко мне.
Я побеседовать с тобой хочу наедине.

---

[1] Вассалам — конец.

دبابا عجب جست و جسپان می دود از طیور یکی طاوس است
پررنگ و پرزیب جانوری است اندام او در جثه و رنگ و زیب او بیست
در جثه برابر کلنگی بوده باشد اما برابر کلنگ بلند نیست در سر نر او و در
سر ماده او بیست سی پر می باشد دو سه انگشت بلندی آن پرها باشد
در ماده او زیب و رنگی نیست سر نر او سوسنی درخشنده است گردن او خوش رنگ
کبود است از گردن پایان تر پشت او از زرد و طوطکی و کبود و بنفش رنگ منقش

7

Когда б весь этот мир исчез, все люди бы пропали,
Ступив на путь небытия, и я б не знал печали.

8

Тебя пришелец полюбил, но робок он, несмел,
Как ветвь, он голову склонил, как лист, он пожелтел.

9

Пусть милая меня простит — в том не моя вина:
Я ныне оценил ее, когда вдали она.

10

Разлука! Есть ли боль, чтобы сравнилась с нею?
И тяжкая болезнь разлуки не больнее.

11

В разлуке слезы лью, хоть я и пью вино.
Несите прочь его, меня гневит оно.

12

Моих желаний суть: покинув край Бабура,
О прошлом не забудь и вспоминай Бабура.

13

Сгубило много душ проклятое вино,
Мне ж от разлуки с ним погибнуть суждено.

14

О, вслушайся в мои слова: я болен от разлук,
Я напряжен, как тетива, и согнут, словно лук.

15

Пусть пери век живет и черных дней не знает,
Пусть честный человек плохих людей не знает.

16

Я в лес уйду, себя приговорив к изгнанью,
Чтоб отыскать тебя, что кажешься мне ланью.

17

Пока еще я жив и ты пока жива,
Пойми меня, прочтя стихов моих слова.

МАСНЕВИ

1

К розе моей быстро слетай, о ветерок,
Весть обо мне ей передай, о ветерок!

В светлый покой ханши моей тихо впорхни,
Ей поклонясь, речь на меня ты поверни.

Скажешь ей так: «Мне показав ясный свой лик,
Сердце мое как ты легко вырвала вмиг!

Сердцем моим будто на час ты увлеклась,
Но через час ты прогнала прочь меня с глаз.

Разве такой может любовь быть где-нибудь?
В дружбе святой кто на кривой пустится путь?

Ты не такой виделась мне издалека.
Знал ли я, сколь, роза моя, ты жестока?

Ради тебя бросил друзей, бросил я мир,
Из-за тебя в мире брожу, скорбен и сир.

Был я мечтой лишь о тебе занят всегда,
Мысли твои прочь от меня тянет всегда.

Другом меня ты нарекла, но почему
Вдруг от меня ты отреклась, я не пойму.

Или границ черствости нет, или — скажи —
Истинно нет в мире нигде меры для лжи?

Сумрак обид нужно ль таить между друзей?
Дружеских слов светоч зажги, сумрак рассей.

Но, отшвырнув сердце мое, как ты могла
Мне отказать в слове одном, в капле тепла?

Ах, для чего даром слова тратит Бабур?
Разве тебе той же ценой платят, Бабур?

Пери своей много Бабур слов приберег,
Гордость блюдя, скажет он суть, и — за порог!

Но если ты будешь себе так же верна,
Если опять не проронишь правды зерна,—

Значит, свою злую судьбу горько кляня,
Сам я решу: в мире — любви нет для меня.

Раны своей в чуждых краях не залечу,
Но удалюсь. Голову лишь в путь захвачу.

Роза! Пришли скорый ответ или — клянусь —
Корчась от мук, я, как письмо, в свиток свернусь».

2

О ветерок, быстрей лети, найдя порог[1],
Владычицы моей, прекрасной, как цветок.

Лети, мой верный друг, лети в далекий край,
Мой стон, мои слова неверной передай:

«Свой открывая лик, ты мой смущала лик,
Ты, сердце взяв мое, с ним поиграла миг.

В мечтах моих и снах ты не такой была,
Не думал я, что ты коварна так и зла.

Зачах я, изнемог, делами пренебрег,
Стихами пренебрег, друзьями пренебрег.

Покой в твоем краю я потерял, поверь,
Но в сторону мою ты не глядишь теперь.

Твой взгляд и речь твоя, как хизрова вода.
Где отыскать ее, идти за ней куда?

Где слово, что ко мне с твоих слетает губ?
Ручей воды живой всегда на влагу скуп.

---

[1] Вариант перевода масневи Н. Гребнева.

Участия слова врачуют от обид —
Та, кем обижен я, по-прежнему молчит.

Владычицей моей, пресытившейся мной,
Я брошен и забыт, бессильный и больной...»

Болтливостью, Бабур, не очень-то грешн,
Не унижай себя, не раскрывай души.

Ты, друг, по простоте доверчивым не будь.
Из слов возьми лишь те, что выражают суть,

Скажи своей луне: «Коль не напишешь мне
Того, что говорят любимым в тишине,

Пойму, что я тобой отвергнут, и тогда
Уйду я навсегда неведомо куда.

И если вновь письма в ответ я не дождусь,
То, как твое письмо, сам в свиток я сверну́сь».

3

«О ты, что лучших жен затмила красотой,
Которой посвящен корана стих святой!

Я — жалобщик простой, проситель твой, а ты —
Владычица владык на троне красоты.

Что горестней разлук? Я разлучен с тобой.
На сотни страшных мук я обречен судьбой.

Мне горе суждено — я слезы лью рекой.
Я потерял давно и разум и покой.

В моих глазах давно не отражалась ты,
Но в сердце все равно навек осталась ты.

Вдали твоих бровей я согнут сам, как лук,
Я болен от разлук. Смертелен мой недуг.

Мне б убежать скорей — судьбой наказан я,
Узлом твоих кудрей я скован, связан я.

Я раб твоих очей, твоих речей я раб.
Чтоб это пережить, я сердцем слишком слаб.

Когда б твое лицо увидел бы опять,
Покинул бы я мир: что в нем еще желать?

Как прежде, знаю я, твой лик сейчас суров.
Хоть слушаешь меня, моих не слышишь слов.

Быть может, про меня плохое говорят,
Враги, лжецы тебе вливают в сердце яд.

Рассеет правда ложь в конце концов, мой друг,
И посрамит тебя и всех лжецов вокруг.

Свет сердца моего, другим не стал Бабур,
Тебя ни на кого не променял Бабур.

И если сто мечей мне на главу падут,
Блестя огнем очей, сто гурий промелькнут,

То все равно в душе и в сердце будешь ты,
И будут лишь тобой полны мои мечты.

Что мне в удел ни дашь, чего мне ни пошлешь,
Печаль все будет та ж, страдание все то ж.

Любимая моя, нет лжи в моих словах,
Порука — жизнь моя, свидетель мой — аллах!

Достал я все слова со дна своей души.
Права ль ты, не права ль — подумай и реши.

Реши, но не спеши — взвесь все мои слова!
Я сердце протянул, и ты взяла сперва,

Но бросила его, возьми назад скорей.
Отдай взамен свое, брось добрый взгляд скорей.

Что б ни решила ты, всегда счастливой будь.
Царица красоты, всегда красивой будь!

Веселой будь всегда, здоровой будь всегда,
Всегда, всегда, всегда — до страшного суда».

4

О ветерок, ты не рысцой — вскачь устремись
К улице, где стройный стоит мой кипарис!

Вихрем рванись, взвейся в полет свой вихревой
И закружись над дорогой мне головой,

И опустись, и преклонись раньше пред ней,
И доложи так обо мне хаише моей:

«Я заболел, я изможден, словно Меджнун,
Разумом стал я поврежден, словно Меджнун.

Знаешь ли ты, пери моя, сколько я лет
Мучусь, томлюсь, жду — но тебя, милая, нет!

Только один друг у меня — мысль о тебе,
В мире одна только родня — мысль о тебе.

Ты же ко мне, пери, была столь холодна,
Зная мои муки, мою боль — холодна!

Как же ты столь черствою быть годы могла,
Как же такой страстью моей пренебрегла!

Если своей опьянена ты красотой,
То и меня чары своих чар удостой.

Верность блюдя, и под плетьми частых обид
Был я тебе верен, но был все же забыт.

Я ли тебе не уплатил дань? И за что!
Я ль роковой не преступил грани? За что?

Я ль не дошел и до того, чтобы проклясть
Дружбы стезю, плотской любви грозную страсть?

Чуть на себя не наложил тяжкий запрет —
Чуть ли себя не бичевал, словно аскет».

Все я отверг, все заклеймил, думал — конец.
Вдруг от моей пери ко мне прибыл гонец!

С вестью благой прибыл ко мне посланец тот:
«Встречи, Бабур, жди — недалек счастья восход!»

Как потрясли душу мою вести слова!
Радость мою чем изъясню? Есть ли слова?

Смею ли я верить письму? Вестник, ответь!
Или опять в ласке письма — скрытая плеть?

Если слова искренни, что ж пери сама,
Ветер взнуздав, не принеслась вместо письма?

Я ли, Бабур, не изучил ветрениц нрав?
Мне ли не знать, сколь он жесток, сколь он лукав?

О, возвратись, добрый гонец, к ханше души,
Ей доложить слово мое ты поспеши.

Скажешь ей так: «Ты бы мое сердце спасла,
Если б сама прибыла вдруг вместо посла.

Мне оказав через посла милость и честь,
Милость еще сделай, скажи — правильна ль весть?

Мне уж гореть невмоготу врозь от тебя,
Веры в слова не обрету врозь от тебя.

С сердцем моим ты не лукавь, о госпожа,
Впредь от такой муки избавь, о госпожа!

Сердце мое будешь пытать жаждой доколь?
Или явись, или меня вызвать изволь!

Веру вернуть может мне лишь встреча с тобой,
Но если вновь ты отдалишь встречу с тобой —

Больше Бабур силы в душе не обретёт,
Смысла в земной жизни уже не обретёт...

Внемлешь ли ты, пери, моим страстным словам?
Все, что таил, то я открыл. И — вассалам!»

Трактат
об
арузе

Знай, что основа размеров стиха состоит из трех стопообразующих элементов — сабаба, ватада и фасилы. Сабаб делится на два вида: сабаб легкий, сабаб тяжелый. Легкий сабаб состоит из двух букв[1] — первая огласованная, последующая неогласованная как [в словах] г у л (цветок) и м у л (вино), т у н (почь) и к у н (день)[2]. Сабаб тяжелый состоит из двух огласованных букв, как [в словах] г а л а (стая) и р а м а (стадо), н е ч а (сколько) и к е ч а (ночь). Буква х а в подобных словах не произносится и выражает огласованность предыдущей буквы[3]. Ватад тоже [состоит] из двух видов — соединенного и разъединенного. Некоторые [ученые] называют соединенный ватад также связанным [ватадом]. Ватад соединенный состоит из трех букв — две буквы огласованные и третья неогласованная, как [в словах] ч а м а н (цветник) и с а м а н (жасмин), қ а ё ш и қ у ё ш (солнце)[4]. Ватад разъединенный состоит из трех букв — двух огласованных и одной неогласованной между ними, как [в словах] к у н д а (днем) и т у н д а (ночью), а н д а (там) и м у н д а (здесь)[5].

Фасила также бывает двух видов — малая и большая. Малая фасила состоит из четырех букв — трех букв огласованных, четвертая неогласованная[6], как [в словах] ч и к у н а м (что мне делать) и ф и г а н а м (брошу), н е қ и л а й (что мне делать) и й и қ и л а й (упаду). Большая фасила состоит из пяти букв — четырех огласованных и пятой неогласованной[7] как [в словах] ч и к у н а м а ш (что с ней делать) и ф и г а н а м а ш (ее брошу), н е қ и л а й и н (что мне делать). Некоторые [ученые каждый] стопообразующий элемент делят на три вида. Один [из них] — средний сабаб, который состоит из трех букв — одного огласованного и двух последующих неогласованных[8], как [в словах] х а н д (смейся) и қ а н д (сахар), а й т (скажи) и қ а й т (вернись). Другой — избыточный ватад, который состоит из четырех букв — две первые огласованные, две последние неогласованные[9], как [в словах] н и ш о н (знак) и н и ҳ о н (тайный), к ӯ т а р т (вели поднять) и й и б а р т (пошли). И наконец превосходная фасила, которая состоит из шести букв — пяти огласованных и последней неогласованной[10], как [в словах] н а ф и г а н а м а ш (её не брошу) и н а ш и к а н а м а ш (её не разобью), қ а р о л а м а д и (не очернил).

Ходжа Насир в «Миъйару-л-ашъор'е» указывает на то, что фасила не является стопообразующим элементом, поскольку малая фасила состоит из тяжелого и легкого сабабов, а большая фасила из тяжелого сабаба и соединенного ватада, и (он)

не приводит третью часть стопообразующих элементов Итак, превосходная фасила состоит из трех сабабов — двух тяжелых, одного легкого Таким образом, основа размеров стиха состоит нз двух элеменитов — сабаба и ватада.

Обычай арузоведов таков, что они слагают бейты, состоящие из этнх элементов. Прнмер на легкий сабаб:

Гулшанден нўюнгдур, юзунгден гул,
Сунбулден мўюнгдур, сўзунгден мул.

(Улнца твоя подобна цветнину,
цветок нан твое лнцо,
Волосы твон походят на гиацннт,
а внно — на твон слова.)

Тонай моро дар ғам дорнй,
Тонай бар мо орнй хорнй.

(До наних пор ты нас будешь печалнть,
До наннх пор ты меня будешь уннжать.)

Невозможио сочнннть стнх только нз тяжелого сабаба, потому что между размерами стнха две неогласованные буквы не могут соседствовать рядом друг с другом. У среднего сабаба и избыточного ватада последнне две буквы неогласованные, поэтому из них невозможно [слагать] стихн. Кроме [иужно зиать], что допускают стечение двух неогласованных [букв] в конце стнхотворных размеров нлн в иачале, имеющем силу конца[11], и считают нх за две неогласоваиные буквы, как иапрнмер:

Туро лаъл шанаррез маро чашм гуҳарбор,
Туро ханда бувад хўй маро гиря бувад нор.
(Твон губы, льющие сладость, мои глаза, осыпающие жемчуг,
У тебя веселый харантер, а мое дело планать.)

Слова шакаррез (льющий сладость) н гуҳарбор (осыпающий жемчуг) в хашве и арузе этого бейта[12] соответствуют размеру [стопы] мафоъийл, который является укороченной (максуром) стопой [от мафоъийлун]. Эти две следующие друг за другом иеогласованные буквы [прн скаидированнн] принимаются во вниманне. Такнм образом, есть прнчнна, чтобы делнть эти два стопообразующих элемента иа трн вида.

Прнмер иа соедниенный ватад:

Ба сўям ар гузар куний, знҳий ажаб, знҳий ажаб,
Ба рўят ар назар кунам, знҳий тараб, знҳий тараб.
(О как было бы ннтересио, еслн ты прошла бы мнмо меня,
О как было бы весело, еслн я взглянул бы иа твой лик.)

Сеннигча кимдадур сафо, сеннигча кимдадур бало,
Меннигча ким қилур вафо, меннигча ким чекар жафо?

(У кого столько блеска, сколько у тебя, от кого
[можно ожидать] столько беды, сколько от тебя?
Кто может быть верным, как я, и страдать, как я?)

Пример на разъединенный ватад:

Кимдадур сафо сенингча, кимдадур бало сенингча,
Ким қилур вафо менингча, ким чекар жафо менингча?[13]

(Столько чистоты где найдешь, сколько у тебя,
Быть верным кто может, как я, и страдать, как я?)

Пример из «Миъйару-л-ашъор»:

Он чи аз бутам ба руй-и ман расид,
Ҳеч офарида дар жаҳон надид.

(Того, что досталось мне от моего кумира,
Никакая тварь в мире еще не видела).

Пример на малую фасилу:

Ба саро бикушо лабу хуш бисаро,
Ба суруд-и хушат бинавоз маро.

(Раскрой рот и приятно спой,
Поласкай ты меня с приятным напевом).

Мирагим борадур, юрагим ёрадур,
Юрагим ёрадур, мирагим борадур.

(Уходит [от меня] мой юный повелитель и разрывает сердце мое,
Разрывает сердце мое — уходит мой юный повелитель).

Пример на большую фасилу:

Қора кўзум берига кел,
Ики кўзум берига кел!

(О черноглазая моя, приди сюда,
Очи мои, приди сюда).

Санам-и ман, зи бар-и ман набиравий,
Дилак-и ман, хабар-и[14] [ман] набишинавий.

(О мой кумир, от меня ты не удаляешься,
[Но и] весточку обо мне не выслушаешь, душенька моя).

Пример на превосходную фасилу:

Шакарак аз он ду лабак бичашам, агар ту йала куний,
Ба сарак-и ту, ки бизанамат, ба падар агар ту гила куний.

(Да попробую сласти твоих губ, если позволишь,
Клянусь твоей башкой, изобью тебя, если пожалуешься отцу).

По мнению арузоведов не употребляются в размерах стихотворения более четырех следующих друг за другом согласованных букв. Даже четвертая опускается путем захф (сползание). Таким образом, с этой точки зрения в размерах стихотворения не должно быть превосходной фасилы.

Те [ученые], которые делили [фасилу] на три [вида], и тот, кто взял на себя [напрасный] труд составления упомянутого бейта, видимо, не располагают специальными понятиями. Так как размерная речь при чередовании лишь одного стопообразующего элемента не одобрялась [людской] натурой, мужи красноречия создали стопы [рукн] путем сложения [разных] элементов. Их формально[15] восемь, а в действительности[16] десять.

Арузоведы эти стопы называют основами формул стихотворных размеров:

Фаъувлун, фоъилун, мафоъийлун, мустафъилун, фоъилотун [фоъ-ло-тун)[17], мафъувлоту, [мус-тафъ-лун], мафоъилатун, мутафоъилун.

Нет ни одной стопы меньше пяти и больше семи букв. В «Мийару-л-ашъор» указано, что стопа не может состоять из чередования только одного стопообразующего элемента. Поэтому стопы из четырех букв и шести букв, которые состоят только из сабабов и[ли] ватадов, не считаются основными стопами (усул). Итак основная стопа состоит из пяти или семи букв. Пятибуквенная состоит из сабаба и ватада. Таким образом, если это будет сабаб легкий с ватадом соединенным, то из них возможны два вида образования. Первый вид, когда ватад впереди[18], что в размере фаъувлун. Другой, когда сабаб впереди, что в размере фоилун. Каждый из этих двух стоп состоит из трех огласованных и двух неогласованных букв.

Пятибуквенные [элементы] могут образовать еще шесть видов, но их не считают основными стопами. А вот стопа из семи букв состоит из двух сабабов и одного ватада. Итак если сабабы являются легкими, а ватад соединенным, можно из них образовать три вида.

Первый: когда ватад будет стоять впереди двух сабабов, что в размере мафоъийлун.

Второй: когда два сабаба расположены впереди ватада, что в размере мустафъилун.

Третий: когда ватад находится в середине двух сабабов, что в размере фоъилотун.

А если ватад разъединенный, то возможно [еще] три вида образований.

Первый: разъединенный ватад стоит впереди двух сабабов, это размер фоъ-ло-тун.

Второй: два сабаба находятся впереди ватада разъединенного, это размер мафъувлоту.

Третий: разъединенный ватад расположен между двумя сабабами, это мустафълун.

Стопообразующие элементы первого и третьего вида называются разделенными (мунфасил). Каждый из этих шести стоп включает в себя четыре огласованных и три неогласованных буквы

Если первый сабаб является тяжелым, то из соединенного

ватада получается два вида образования. Первый вид: если ватад стоит впереди двух сабабов, то получается размер мафоъилатун. Другой вид: если два сабаба находятся впереди ватада, то получится мутафоъилун.

Каждый из этих двух стоп состоит из пяти огласованных и двух неогласованных букв. От семибуквенного [элемента] можно получить еще шестнадцать образований, которые не считаются основными стопами.

Знай, что каждое изменение, которое происходит в основной стопе, называют зихафом, а видоизмененную стопу называют музахаф и[ли] фуруъ. Видоизменения бывают или простыми, или сложными. В простом видоизменении происходит [не] более одного видоизменения. В сложном видоизменении происходит более одного видоизменения. Зихаф — есть превращение огласованной буквы стопы в неогласованную; убавление или добавление букв в стопе, причем может быть убавлена или добавлена одна или более букв. Эти зихафы имеют свои названия. Всего зихафов — 44:

Измар, асб, вақф, хабн, тайй, қабз, кафф, касф, ташъис, жазм, ғасб, салм, ҳазф, хазаз, ссалм, рафъ, жабб, қаср, қатъ, вақс, ақл, жазл, нақс, хабл, шакл, кабл, қатф, батр, жазъ, ҳатм, жаҳф, залал, наҳр, рабъ, қасм, жам, ақс, шатр, харб, сарм, тасбиғ, изала, тарфил, харм[19].

Измар — превращение второй огласованной буквы стопы в тяжелом сабабе в неогласованную. Это происходит в стопе мутафоъилун, [после измар] остается мутфоъилун, его заменяют [стопой] мустафъилуи. Измененную [форму] называют музмар. Любую измененную стопу, если она [по форме] не употребительна, заменяют той, которая употребляется.

Асб — превращение второй огласованной буквы тяжелого сабаба в неогласованную. Это — пятая буква стопы мафоъилатун. От мафоъилатун остается мафоъилтун, вместо него употребляют мафоъийлун. Измененную [форму] называют маъсуб.

Вақф — превращение второй огласованной буквы разъединенного ватада в неогласованную. Это — седьмая буква стопы мафъувлоту. После изменения стопа мафъувлоту становится мафъувлот. Вместо него употребляется мафъувлон. Эту форму называют мавқуф.

Хабн — выпадение неогласованной буквы легкого сабаба. Это — вторая буква стопы, как от фоъилун получается: фаъилуи, от фоъилотун — фаъилотун, от мустафъилун — мутафъилун, от мафъувлоту — маъувлоту. Последний заменяется стопой мафоъийлу. Измененную [форму] называют махбун.

Тайй - выпадение неогласованной буквы легкого сабаба. Это — четвертая буква стопы, как: мустафъилун — мустаъилун, мафъувлоту — мафъулоту, которые заменяют стопами муфтаъилуи и фоъилоту. Измененную [форму] называют матвий.

Қабз — выпадение неогласованной буквы легкого сабаба. Это — пятая буква стопы, как: фаъувлун — фаъувлу, мафоъийлун — мафоъилун. Их называют мақбуз.

Кафф — выпадение неогласованной буквы легкого сабаба. Это — седьмая буква стопы. Фоъилотун становится фоъилоту, которую называют макфуф.

Касф — отпадение буквы та от мафъувлоту, остается мафъувло. Вместо него ставят мафъувлун. Измененную [форму] называют максуф.

Ташъис — выпадеиие одной огласоваиной буквы из соедниенного ватада, так фоънлотуи превращается в фоъотун илн в фолотун, что заменяют стопой мафъувлун н называют ее мушаъъас.

Харм — отпадение первой огласованной буквы из соеднненного ватада. Еслн это пронсходит в стопе мафоъийлун, остается фоънйлуи. Вместо него ставят мафъувлун и называют ее ахрам.

Ғасб — еслн харм пронзойдет в мафоънлатун, то останется фоъилатуи, вместо него ставят муфтаъилун. Изменеипую стопу называют ағсаб.

Салм — еслн харм пронзойдет в фаъувлун, то остаиется увлун, вместо него ставят фаълун. Измененную форму называют аслам.

Ҳазф — отпаденне последнего легкого сабаба от стоп фаъувлун, мафоъийлун и фоънлотун. После остаются фаъув, мафоъий, фоънло, вместо ннх ставят фаъул, фаъувлуи, фоъилун. Измененную стопу иазывают маҳзуф.

Хазаз — отпаденне соедниенного ватада от конца стопы. От фоъилун останется фаъ, от мутафоъилун и мустафънлун останется фаъилун и фаълун. Буква айн в первой форме огласоваиная, в последней неогласованиая. Измеиенную стопу называют ахазз.

Ссалм — отпаденне разъедниеиного ватада от конца стопы. От мафъувлоту останется мафъув, его заменяют [формой] фаълун. Измененную [стопу] называют асслам.

Рафъ — отпадение первого сабаба от стопы, начннающейся с двух легких сабабов. От мустафъилун остается тафъилун, от мафъувлоту — увлоту, нх замеияют [стопами] фоъилун н мафъувлу. Измененную [форму] называют марфуъ.

Жабб — отпадение двух сабабов от конца стопы. От мафоънйлун остается мафо, вместо иего ставят фаънл. Измененную [форму] иазывают мажбуб.

Қаср — отпадеиие неогласованиой буквы легкого сабаба и усеченне огласованной буквы. От фаъувлуи остается фаъувл, от мафоъийлун — мафоънйл, фоъилотун прииимает форму фоъилот, вместо него ставят фоъилон. Измененную [форму] иазывают мақсур.

Қатъ — отпадение неогласоваиной буквы соединенного ватада и усечение второй огласованной буквы. От мустафъилуи остается мустафъил, от мутафоъилун — мутафоънл, фоъилун будет фоънл. Вместо инх ставят мафъувлун, фаъилотун, фаълун. Измеиенную форму иазывают мақтуъ.

Вақс — состонт из совокупиостн [знхафов] измар и хабн: мутафоъилун превращается [в форму] мафоъилун, и это называют мавқус.

Ақл — состоит из [зихафов] совокупиости асб и қабз. От мафоъилатуи остается мафоъатун, вместо него ставят мафоънлун. Измененную [форму] называют маъқул.

Жазл — состонт из [зихафов] совокупности измар н тайй.

От мутафоъилун остается мутфаъилун, вместо него ставят [стопу] муфтаъилун. Измененную [форму] называют мажзул.

Нақс — состоит из совокупности [зихафов] асб и кафф. От мафоъилатун останется мафоъалту, вместо него ставят стопу мафоъийлу. Измененную [форму] называют манқус.

Хабл — состоит из совокупности [зихафов] хаби и тайй. От мафоъилатун остается мафоъил, вместо него ставят стопу фаъувлун. Измененную [форму] называют махбул.

Шакл — состоит из совокупности [зихафов] хабн и кафф. От мустафъилун остается мафоъилу, от фоъилотун — фаъилоту. Измененную стопу называют машкул.

Кабл — состоит из совокупности [зихафов] хабн и қатъ. От мустафъилун остается форма мутафъил, которую заменяют стопой фаъувлун. Измененную стопу называют макбул.

Қатф — состоит из совокупности [зихафов] асб и ҳазф. Мафоъилатун превращается в мафоъил, которую заменяют стопой фаъувлун. Измененную стопу называют мақтуф.

Батр — состоит из совокупности [зихафов] салм и ҳазф. От фаъувлун остается фаъ, стопа фоъилотун превращается в форму фоъил. Вместо фоъил пишут фаълун. Измененную стопу называют абтар.

Жазъ — в стопе мафъувлоту происходит выпадение двух сабабов и усечение [буквы] та, остается лот, вместо него ставят фоъ. Измененную [форму] называют мажзуъ.

Ҳатм — состоит из совокупности [зихафов] ҳазф и қаср. От мафоъийлун остается мафоъ, вместо него ставят фаъувл. Измененную [форму] называют аҳтам.

Жаҳф — фоъилотун подвергается хабну, затем с начала стопы снимается тяжелый и легкий сабаб, остается тун, вместо него ставят фаъ. Это называют мажҳуф.

Залал — состоит из совокупности [зихафов] харм и ҳатм. От мафоъийлун остается фоъ, это называют азалл.

Наҳр — состоит из совокупности [зихафов] жазъ и касф. От мафъувлоту остается ло, вместо него ставят фаъ, это называют манҳур.

Рабъ — состоит из совокупности [зихафов] хабн и батр. От фоъилотун остается фаъул, это называют марбуъ.

Қасм — состоит из совокупности [зихафов] асб и харм. От мафоъилатун остается фоъийлун, вместо него ставят мафъувлун. Измененную стопу называют ақсам.

Жамм — состоит из совокупности [зихафов] ақл и харм. От мафоъилатун остается фоъилун, это называют ажамм.

Ақс — состоит из совокупности [зихафов] нақс и харм. От мафоъилатун остается фоъилту, вместо него ставят мафъувлу. Измененную стопу называют аъқас.

Шатр — состоит из совокупности [зихафов] қабз и харм. От мафоъийлун остается фоъилун, это называют аштар.

Харб — состоит из совокупности [зихафов] кафф и харм. От мафоъийлун остается фоъийлу, вместо него ставят мафъувлу. Эту измененную [форму] называют ахраб.

Сарм — состоит из совокупности [зихафов] салм и қабз. От фаъувлун остается ъувлу, вместо него ставят фаълу, это называют асрам.

Тасбиғ — прибавление к сабабу от конца стопы одной неогласованной буквы. Фаъулун будет фаъулон, мафоъийлун — мафоъийлон, фоъилотун — фоъилотон, вместо последнего ставят фоъилийон, эти [стопы] называют мусаббағ.

Изала — прибавление к соединенному ватаду одной огласованной буквы. Фоъилун будет фоъилон, мустафъилун — мустафъилон, мутафоъилун — мутафоъилон, эти [стопы] называют музолл.

Тарфил — прибавление одного легкого сабаба к соединенному ватаду. Мустафъилун будет мустафъилотун, мутафоъилун — мутафоъилотун, эти [стопы] называют мураффал.

Хазм[20] — прибавление к началу бейта чего-нибудь. В большинстве одной или двух букв, бывает и больше, как частицы ва, и, ҳал, которые не учитываются при скандировании [в случае хазм]. Это не имеет никакого отношения к стопам и стопообразующим элементам. Они употребляются только у арабов, у аджамов не применяются. Среди этих вышеупомянутых зихафов некоторые простые, они следующие: измар, асб, вақф, хабн, тайй, қабз, кафф, ташъис, харм, салм, ҳазф, хазаз, ссалм, рафъ, жабб, қаср, қатъ, тасбиғ, изала, тарфил. Некоторые сложные, они следующие: вақс, ақл, жазл, нақс, хабл, шакл, кабл, қатф, батр, жазъ, ҳатм, жаҳф, залал, наҳр, рабъ, қасм, жамм, ақс, шатр, харб, сарм.

Некоторые [зихафы] как жазм и харм относятся к началу бейта. Если [зихаф] харм получит изменение не в начале [бейта], то его называют таҳник. Измененную стопу муҳаннак. Также [ученые] говорят, что некоторые зихафы относятся к концу мисры, они следующие: вақф, ташъис, қаср, қатъ, касф, ҳазф, хазаз, салм, тасбиғ, изала, тарфил.

Арузоведы твердят, что эти указанные зихафы относятся только к концу мисры. Однако они встречаются и в середине мисры. Например, в «Қасида-и масnуъ» Салмана Саваджи встречается этот бейт в метре рамал:

Абр лутф-и ту ба табъ меҳр хулқ-и ту бадам
Мекунад хор сумаи мекуиад хок дирам.
(Милость твоя туга по натуре, твой характер солнце по теплоте,[21]
Которое шипы превращает в жасмин, превращает дирхемы в прах).

Размер хашва первой мисры — махбун-и мақсур, а следующей — махбун-и маҳзуф. В этой же касыде в метре мунсариҳ имеется следующий бейт:

Ро-йи ту ёр-и савоб дод-и ту махзи вивод
Фатҳ-и ту ҳатф-и ҳасуд зайфи ту файз-и мурод.
(Твое мнение правдиво, правосудие твое основано на настоящем человеколюбии,
Победа твоя завистнику смерть, гость твоя — благонамерение).

Размеры середины мисры — матвий-и мавқуф. В серединах следующего бейта Абдурахмана Джами, написанного в метре хазаж, встречается зихаф мусаббағ.

Шуд насх хат-и Ёқут акнун ҳама раънобн,
Таълим-и хат аз лаълат гираид ба мактабҳо.
(Почерк Якута теперь потерял свое значение, все
красавицы в школах изучают письма по твоим рубиновым губам...)

Таким образом, нельзя считать, что эти зихафы применяются только в конце мисры.

Если их не считать относящимися только к концу мисры, то многие метры будут схожи друг с другом. Это и есть известные зихафы, на которых мы остановились. Есть некоторые зихафы, которые не имеют названия, некоторые вообще не известны, от упоминания их мы не видим никакого толка и поэтому мы ограничимся вышеизложенным.

Выше коротко было упомянуто, сколько второстепенных стоп могут быть образованы от основных стоп и о том, как они разветвляются. А теперь подробно изложим количество зихафов каждой стопы и сколько разветвлений могут из них образоваться:

Фаъувлун имеет семь зихафов — қабз, салм, ҳазф, қаср, батр сарм, тасбиғ; семь разветвлений: фаъувлу (мақбуз), фаъ-лун (аслам), фаъул (маҳзуф), фаъувл (мақсур), фаъ (абтар), фаълу (асрам), фаъувлон (мусаббағ).

Фоъилун имеет четыре зихафа: хабн, қатъ, хазаз, изала; шесть разветвлений: фаъилун (махбун), фаълун (мақтуъ), фаъ (ахазз), фоъилон (музолл), фаъил (махбун-и мақтуъ), фаъилон (махбун-и музолл).

Мафоъийлун имеет одиннадцать зихафов: қабз, кафф, харм, ҳазф, жабб, қаср, ҳатм, залал, шатр, харб, тасбиғ; двенадцать разветвлений: мафоъилун (мақбуз), мафоъийлу (макфуф), мафъувлун (ахрам), фаъувлун (маҳзуф), фаъил (мажбуб), мафоъийл (мақсур), фаъувл (аҳтам), фоъ (азалл), фоъилун (аштар), мафъувлу (ахраб), фаъ (ахрам-и мажбуб), мафоъийлон (мусаббағ).

Мустафъилун имеет одиннадцать зихафов: хабн, тайй, кафф, хазаз, рафъ, қатъ, хабл, шакл, кабл, изала, тарфил; восемнадцать разветвлений: мафоъилун (махбун), муфтаъилун (матвий), фаълун (ахазз), фоъилун (марфуъ), мафъувлун (мақтуъ), фаъилатун (махбул), мустафъилу (макфуф), мафоъилу (машкул), фаъувлун (макбул), мустафъилон (музолл), мустафъилотун (мураффал), фаъил (махбун-и ахазз), мафоъилон (махбун-и музолл), мафоъилотун (махбун-и мураффал), муфтаъилон (матвий-и музолл), муфтаъилотун (матвий-и мураффал), фоъилон (марфуъ-и музолл), фоъилотун (марфуъ-и мураффал).

Фоъилотун имеет десять зихафов: хабн, кафф, ташъис, ҳазф, қаср, шакл, батр, жаҳф, рабъ, тасбиғ; пятнадцать разветвлений: фаъилотун (махбун), фоъилоту (макфуф), мафъувлун (мушаъъас), фоъилун (маҳзуф), фоъилон (мақсур), фаъилоту (машкул), фаълун (абтар), фаъ (мажҳуф), фаъил (марбуъ), фоъилийётон (мусаббағ), фаъилун (махбун-и маҳзуф), фаъилон (махбун-и мақсур), фаъилийён (махбун-и мусаббағ), фаълон (абтар-и мусаббағ), фоъ (мажҳуф-и мусаббағ).

Мафъувлоту имеет девять зихафов: хабн, тайй, вақф, касф,

ссалм, рафъ, хабл, жазъ, наҳр; пятнадцать разветвлений: мафоъийлу (махбун), фоъилоту (матвий), мафъувлон (мавқуф), мафъувлун (максуф), фаълун (асслам), мафъувлу (марфуъ), фаъилоту (махбул), фоъ (мажзуъ), фаъ (манҳур), фаъувлон (махбун-и мавқуф), фаъувлун (махбун-и максуф), фоъилон (матвий-и мавқуф), фаъилун (матвий-и максуф), фаъилон (махбул-и мавқуф), фаъилун (матвий-и махбун-и максуф).

Мафоъилатун имеет восемь зихафов: асб, ғасб, ақл, нақс, қатф, қасм, жамм, ақс; восемь разветвлений: мафоъийлун (маъсуб), муфтаъилун (ағсаб), мафоъилун (маъқул), мафоъийлу (манқус), фаъувлун (мақтуф), мафъувлун (ақсам), фоъилун (ажамм), мафъувлу (аъқас).

Мутафоъилун имеет семь зихафов: измар, хазаз, қатъ, вақс, жазл, изала, тарфил; пятнадцать разветвлений: мустафъилун (музмар), фаъилун (ахазз), фаъилотун (мақтуъ), мафоъилун (мавқус), муфтаъилун (мажзул), мутафоъилон (музолл), мутафоъилотун (мураффал), фаълун (музмар-и ахазз), мафъувлун (музмар-и мақтуъ), мустафъилон (музмар-и музолл), мустафъилотун (музмар-и мураффал), мафоъилон (мавқус-и музолл), мафоъилотун (мавқуф-и мураффал), муфтаъилон (мажзул-и музолл), муфтаъилотун (мажзул-и мураффал).

Всего разветвлений — девяносто шесть, форм — сорок, они следующие: фаъ, фоъ, фаълу, фаъил, фаълун, фаъилун, фаъувл, фаъувлу, фаъувлун, фоъилун, фаъилон, фаълон, фаъилоту, мафъувлу, мафъувлун, мафоъийлу, мафоъилун, мафоъийл, мафоъилу, муфтаъилун, фаъилотун, фаъилатун, фоъилон, фоъилоту, мустафъилу, мафоъийлун, мустафъилун, фоъилотун, мафоъилон, муфтаъилон, мафъувлон, мафоъийлон, мустафъилон, фоъилийён, фаъилийён, мутафоъилон, муфтаъилон, мафоъилотун, мустафъилотун, мутафоъилотун.

Из восьми основных стоп размеров сюда вошли пять, это: фаъувлун, фоъилун, мафоъийлун, мустафъилун, фоъилотун. Нижеследующие три размера сюда не вошли: мафъувлоту, мафоъилатун, мутафоъилун.

Таким образом [количество] форм всех основных и второстепенных стоп сорок три. Нужно знать, что из соединения стопообразующих элементов строются стопы, а из их чередования образуется размер строки, с условием, что чередование должно быть соразмерным, ни длинным, ни коротким. Наименьшее количество чередования — два, наибольшее — четыре. Когда удваивается мисра (полустишие), получается бейт (двустишие). Итак, бейт состоит из четырех, или шести, или восьми стоп. Об этом будет упомянуто в свое время. Из бейтов строится газель, или кытъа, или четверостишие, или касыда и т. д.

Арузоведы первую стопу первой мисры называют садр, а последнюю — аруз, первая стопа второй мисры — ибтидо, последняя — зарб. Стопы, которые расположены между садр и аруз, ибтидо и зарб, называют ҳашв. [Кратчайшие] бейты, [называемые] «маштур», имеют ҳашва.

Еще нужно знать несколько терминов. Если аруз и зарб не будут подвергаться изменению, то их называют саҳиҳ [правильной]. Если ничего не добавлено путем тасбиғ, изола и тар-

фил, то [такой бейт] иазывают муарра (свободной). Если в стопах бейта нет никакого изменения, то называют его салим (здоровым).

Бейт, каждую мисру которого укорачивают на одну стопу от того количества, которое имеется в основном круге [метров], например, если сделать шестистопиым метр, который в основном круге восьмистопный, называется «мажзу». Если в бейте уменьшат половину основных стоп, [полученное] называют маштур.

Знай, что из повторения основных стоп или из соединения одной с другой образуется метр. Употребляемых и общеизвестных метров 19: 1 Мутакариб, 2. Мутадарик, 3. Хазаж, 4. Рамал, 5. Ражаз, 6. Вафир, 7. Камил, 8. Тавил, 9. Мадид, 10. Басит, 11. Муисарих, 12. Музариъ, 13. Муктазаб, 14. Мужтасс, 15. Сариъ, 16. Жадид, 17. Кариб, 18. Хафиф, 19. Мушакил. Еще есть два метра — ариз и амик, которые извлечены из круга тавил, они малоизвестны. Вместе с ними всего будет 21 метр.

Из повтора [одиих и тех же] основных стоп или соединения одной комбинации с другой, а также от возможности образования шестистопных и восьмистопных размеров от каждого из этих повторов и комбинаций могут быть [теоретически] образованы и представлены многочисленные и разнообразные размеры метров, которые арузоведы не включают в метры.

Метры мутакариб, мутадарик, хазаж, ражаз, рамал, вафир, камил строятся из повторения [одних и тех же] стоп. Эти метры называют сходностопными (муттафику-л-аркан). Из них вафир и камил употребляются шестистопными, остальные восьмистопными. Персидские поэты эти два метра искусно сделали восьмистопными, что получилось хорошо.

Метры тавил, мадид, басит, мунсарих, музариъ, муктазаб, мужтасс, сариъ, жадид, кариб, хафиф, мушакил образуются путем сложения одних с другими стопами[23]. Их называют разностопными (мухталифу-л-аркон). Из них тавил, мадид, басит, мунсарих, музариъ, муктазаб, мужтасс употребляются восьмистопными, сариъ, жадид, кариб, хафиф, мушакил — шестистопными. У арабов эти четыре метра — мутакариб, тавил, мадид и басит употребляются как восьмистопные. Кроме этих четырех метров у них все признаиные и общеизвестные метры применяются шестистопными.

Арузоведы создали четыре круга для метров, состоящих из сходных стоп — три [круга] для правильных [метров] и один — для [метров] с зихафами.

Первый круг — мутакариба и мутадарика, который называют кругом [метров] муттафика. Эти два метра строятся из повторения стопы, состоящей из пяти букв, которая, в свою очередь, состоит из двух стопообразующих элементов — одного соединенного ватада и одного легкого сабаба.

Арузоведы в целях выделения метров создали круги. Вокруг круга размещаются размеры. Из размеров метра выводятся другие размеры. Строки указывают на то, какой метр может образоваться из каждого элемента стоп размера. Этот способ называют факку тафкик-и бухур (определение и выделение метров). Например, конец полустишия метра мутакариб,

когда он вписывается в круг, примыкает к началу его. Если начать чтение с ватада, то этот размер будет состоять из стопы фаъувлун четырежды [повторенной] и образует метр мутакариб. Если начать чтение с сабаба, то этот размер будет состоять из четырех стоп фоъилун и образует метр мутадарик. Круг дает возможность вывести два метра от нижеследующего полустишия. Размер [метра] мутакариб:

Юзи рашк-и хуршид-и анвар бўлубтур (Её лик стал [причиной] зависти светящего солнца); размер [метра] мутадарик: Рашк-и хуршид-и анвар бўлубтур юзи [Причиной] зависти светящего солнца ее лик).

Круг, который включает в себя метры хазаж, ражаз и рамал, называют мужталиба. Эти три метра основываются на повторении одинаковых семибуквенных стоп. Эти семибуквенные стопы состоят из трех стопообразующих элементов: одного соединенного ватада и двух легких сабабов. Если начать чтение с первого ватада, то этот размер будет состоять из [стопы] мафоъийлун, повторенной четырежды, и образует метр хазаж А если начать с первого сабаба, то этот размер будет состоять из мустафъилун четырежды [повторенной] и образует метр ражаз. А если начать чтение со второго сабаба, то этот размер будет состоять из фоъилотун четырежды [повторенной] и образует метр рамал. Из полустишия, включенного в круг, можно вывести три метра:

Размер хазаж:

Жафо нўп қилма, эй маҳваш, жафо сендиндурур нохуш.
(Страданий тан много не причиняй, о лунолицая, страдания от тебя нежелательны).

Размер ражаз:

Кўп қилма, эй маҳваш, жафо сендиндурур нохуш жафо.
(Тан много не причиняй, о лунолицая,
страданий, от тебя нежелательны страдания).

Размер рамал:

Қилма, эй маҳваш, жафо, сендиндурур нохуш жафо нўп.
(Не причиняй, о лунолицая, страданий, от
тебя нежелательно страданий тан много).

Некоторые составили круг для размеров трех метров с зихафами. Это — хазаж-и макфуф, ражаз-и матвий, рамал-и махбун. Хазаж — мафоъийлу четыре раза, ражаз — муфтаъилун четыре раза, рамал — фаъилотун четыре раза. Этот круг называют мужталиба-и музахафа. Из нижеследующего полустишия, включенного в круг, можно вывести три размера:

Размер хазаж-и макфуф:

Мени нам нўрадур ёр, мени нам сўрадур ёр.
(Меня редно видит возлюбленная, обо мне мало спрашивает возлюбленная).

Рамал-и махбун:

Кўрадур ёр мени нам, сўрадур ёр мени нам.
(Видит моя возлюбленная меня редно,
спрашивает возлюбленная обо мне редно).

Из хазаж и макбуз н рамал и макфуф можно составить еще один круг: из метра хазаж, состоящего из стопы мафоъилун,— четыре раза и рамала, состоящего из стопы фоъилоту,— четыре раза. Из нижеследующего полустншия, включенного в круг, можно вывести эти два размера:

Размер хазаж-и макбуз:

Менингча ним қилур вафо, менингча ким чекар жафо.
(Как я нто может быть верным, иак я кто может страдать).

Размер рамал-и макфуф:

Кнм қилур вафо мениигча, ким чеиар жафо меиннгча).
(Кто может быть вериым, иаи я, нто может страдать, как я).

Этот круг уместно называть мужталиба-йи мухтариа.

Круг, который состоит из метров вафира н камила, называют [кругом] муъталифа. Эти два метра основываются на повторении одинаковых семибуквеиных стоп. Этн семибуквенные стопы состоят из трех стопообразующих элеметов — одиого соедниенного ватада, двух сабабов: одного тяжелого и одного легкого. Если начать чтение с первого ватада, то этот размер будет состоять из мафоъилатуи три раза н образуется метр вафир. А если начать чтеиие с первого тяжелого сабаба, то этот размер будет состоять из мутафоъилун три раза и образуется метр камил. А если начать чтеиие с первого легкого сабаба, то этот размер будет состоять из фоъило[та]тун. Но такого размера иет ни в одиом метре. Выше было сказано, что персы искусно сделали эти два метра восьмистопными. Из нижеследующего полустшия, включеиного в круг, можно вывести оба метра, причем если опустить первое слово, то будет метр шестистопным. Итак, восьмистопиый размер вафир: Манга санамо жафо қиласеи, вафо қилакўр тараҳҳум этиб (Мне, о кумир, причиияешь муки, будь верной, пожалей меия).

Размер камил:

Санамо жафо қнласен, вафо қиланўр, тараҳҳум этнб манга.
(О нумнр, муин прнчнняешь, верной будь, пожалей меня).

Для метров с различиыми стопами тоже созданы четыре круга. Два для метров с правильными стопами и два с зихафами. Первый круг называют разъедниенный (мухталифа), который состоит из метров тавил, мадид и басит. Эти метры основываются на пятибуквенных и семибуквеииых стопах. Пятибуквеиные и семибуквенные стопы состоят из пяти стопообразующих элеметов — одиого соедииеииого ватада и легкого сабаба и еще одного соединенного ватада, а затем двух легких сабабов. Это — размер тавил: фаъувлун мафоъийлуи два раза. Если начать чтение с первого сабаба, второго стопообразующего элемента, это будет размер мадид: фоъилотуи фоъилун два раза. А если иачать чтение с третьего стопообразующего элемента, т. е. со второго ватада, то это будет мафоъийлун фаъувлун два раза. В этом размере не бывает арабского стиха. Этот метр создали персы и дали иазвание маклуби тавил (перевернутый тавил), его также называют [метром] ариз. Если начать чтение с четвертого элемента, т. е. со второго лег-

кого сабаба, это будет размер басит: мустафъилун фоъилотун два раза. Если начать чтение с пятого злемеита, т. е. третьего легкого сабаба, это будет фоъилотун фаъувлуи два раза. Этот размер тоже в арабских стихах ие встречается, некоторые называют его метром амик.

Из иижеследующего полустишия, включеииого в круг, можно вывести метры:

Размер тавил:
Манга қнл гузар сен нел, манга қнл назар сен кел.
(Ко мне ты прндн давай, на меня взглянн прндн).

Размер ариз:
Гузар сен нел манга қнл, назар сен нел манга қнл.
(Прндн ты но мне ты, взглянн на меня, прндн).

Размер басит:
Сен нел манга қнл назар, сен нел манга қнл гузар.
(Прндн ты но мне, взглянн на меня, прндн ты но мне).

Размер амика:
Кел манга қнл назар сен, нел манга қнл гусар сен.
(Прндн, взглянн на меня ты, прндн но мне ты).

Метры мунсарих, музариъ, муктазаб и мужтасс составляют круг, который называют муштабиха. Эти метры осиовываются на двух семибуквенных стопах. Эти две семибуквеиные стопы состоят из шести элементов — двух легких сабабов, одиого соедииениого ватада, еще двух легких сабабов и одного разъедииенного ватада. Это — размер метра муисарих мафъувлоту два раза. Если начать чтение со второго сабаба, т. е. со второго стопообразующего злемента, то этот размер будет фоъилотун мустафълун два раза. В зтом размере ие встречается восьмистопный метр. Если начать чтеиие с соединенного ватада, т. е. третьего стопообразующего элемента, то зто будет размер метра музариъ мафоъийлуи фоълотуи два раза. Если начать чтение с четвертого стопообразующего злемеита, т. е. с сабаба легкого, то зто будет размер метра муктазаб мафъувлоту мустафъилуи два раза. Если иачать чтеиие с пятого стопообразующего злемента, т. е. легкого сабаба, зто будет размер метра мужтасс мустафъилуи фоъилотуи два раза. Если начать чтеиие с шестого стопообразующего элемента, т. е. с разъединенного ватада, зто будет размер фоъилотун мафоъийлун два раза. В зтом размере тоже ие встречается метр, состоящий из восьми стоп. У персов не употребляются их правильные метры. Метры муисарих, муктазаб употребляются [в форме] матвий, метр музориъ [в форме] макфуф, метр мужтасс [в форме] махбуи.

Из иижеследующего полустишия, включеииого в круг, можно вывести зти метры:

Размер мунсариха:
Ҳусн санга бор зарнф, табъ санга бор латнф.
(Красота у тебя — прелестна, душа у тебя — нежна).

Размер музариъ:

Саига бор зариф табъ, саига бор латиф ҳусн.
(У тебя — прелестная душа, у тебя — иежная нрасота).

Раэмер муктаэаб:

Бор зариф табъ саига, бор латиф ҳусн санга.
(Прелестная душа у тебя, нежная красота у тебя).

Раэмер мужтасс:

Зариф табъ саига бор, латнф ҳусн саига бор.
(Прелестная душа у тебя есть, нежная нрасота у тебя есть),

Третнй круг [круг метров] сарнъ, жадид, кариб, хафиф н мушакил называют мунтаэнъа. Этн метры основываются на грех семнбуквенных стопах. Одна стопа состоит из легкого сабаба н одного ватада, а другая иэ раэъеднненного ватада. Итак, этн три стопы состоят из девяти элементов — шестн легких сабабов, двух соеднненных. Такнм образом, размер сариъ будет: мустафълун мустафъилун мафъувлоту. Если начать чтение со второго ватада, т. е. со второго стопообраэующего элемента, то это будет размер метра жаднд: фоънлотун фоъилотун мустафъилун. Если начать чтение с первого ватада, т. е. третьего стопообразующего элемента, то это будет раэмер метра карнб: мафоъийлун мафоъийлун фоъилотун. Если начать чтение с первого сабаба со второй стопы, т. е. с четвертого стопообразующего элемента, это будет размер: мустафъилуи мафъувлоту мустафънлун. У персов в этом раэмере не встречается шестнстопный метр. Если начать чтение со второго сабаба второй стопы, т. е. с пятого стопообразующего элемента, то это будет размер метра хафиф: фоънлотун мустафъилуи фоъилотун. Если начать чтение с соединенного ватада второй стопы, т. е. с шестого стопообразующего элемента, то это будет размер: мафоънйлун фоъилотун мафоънйлун. У персов в этом размере не встречается шестистопный метр. Если начать чтенне с первого сабаба третьей стопы, т. е. с седьмого стопообраэующего элемента, то это будет размер: мафъувлоту мустафъилун. У персндских поэтов в этом размере не встречается шестнстопный метр. Если начать чтение со второго сабаба третьей стопы, т. е. с восьмого стопообраэующего элемента, то это будет раэмер: мустафъилун фоъилотун. У персов и в этом размере нет шестистопного метра. Еслн начать чтение с разъеднненного ватада третьей стопы, т. е. с девятого стопообраэующего элемента, то это будет метр мушакил: фоъилотун мафоъийлун мафоъийлун. У персов правнльные размеры этих метров не употребляются. У них: сариъ [в форме] матвий, жадид н хафнф [в форме] махбун, кариб и мушакил [в форме] макфуф. Из ннжеследующего полустишня, включенного в круг, можно вывести этн метры:

Раэмер сариъ:

Сен де ҳнноят санамо бнзга бот.
(Ты расснажн рассназ, о нумнр, иам поскорей).

Размер жадид:

Де ҳнноят санамо бнзга бот сен.
(Расснажн рассназ, о кумир, нам посноpeй, ты).

Размер кариб:
Ҳикоят, санамо, бизга бот сен де.
(Рассказ, о кумир, нам поскорей ты расскажи).

Размер мушакил:
Бот сен де ҳикоят санамо бизга.
(Поскорей ты расскажи рассказ, о кумир, нам).

Метры кругов муштабиха и мунтазиа у арабов употребляются шестистопными. Для этих правильных метров образовали еще один круг, который называют муштабиха-йи солим. Ранее было упомянуто, что эти метры основываются на трех семибуквенных стопах. Эти три стопы состоят из девяти стопообразующих элементов — шести легких сабабов, двух соединенных ватадов и одного разъединенного ватада. Таким образом метр сариъ будет мустафъилун мустафъилун мафъувлоту. Если начать чтение со второго сабаба, т. е. со второго стопообразующего элемента, то это будет размер метра жадид: фоъилотун мустафъилун. Если начать чтение с первого ватада, т. е. с третьего стопообразующего элемента, то это будет размер метра кариб: мафоъийлун мафоъийлун фоъилотун. Если начать чтение с первого сабаба второй стопы, т. е. с четвертого стопообразующего элемента, то это будет размер метра мунсарих: мустафъилун мафъувлоту мустафъилун. Если начать чтение со второго сабаба второй стопы, т. е. с пятого стопообразующего элемента, то это будет размер метра хафиф: фоъилотун мустафъилун фоъилотун. Если начать чтение с соединенного ватада второй стопы, т. е. с шестого стопообразующего элемента, то это будет размер метра музариъ: мафоъийлун фоъилотун мафоъийлун.

Из нижеследующего полустишия, включенного в круг, можно вывести эти метры:

Размер сариъ:
Кел, кел йигит бот бир аёқ сен тут бизга.
(Приди, приди, юноша, поскорей, чашу вина ты подай нам).

Размер жадид:
Кел, кел, йигит, бот бир аёқ сен тут бизга.
(Приди, приди, юноша, поскорей, чашу вина ты подай нам,

Размер кариб:
Йигит, бот бир аёқ сен тут бизга кел, кел.
(Юноша, поскорей чашу вина ты подай нам, приди, приди).

Размер хафифа:
Бир аёқ сен тут бизга кел, кел, йигит, бот.
(Чашу вина ты подай нам, приди, приди, юноша, поскорей).

Размер музариъ:
Аёқ сен тут бизга кел, кел, йигит, бот бир.
(Чашу вина ты подай нам, приди, приди, юноша, поскорей).

Размер муқтазаб:
Сен тут бизга кел, кел, йигит, бот бир аёқ.
(Ты подай нам, приди, приди, юноша, поскорей чашу вина).

Размер мужтасс:

Тут бизга иел, иел, йигит, бор бир аёқ сеи.

(Подай иам; приди, юиоша, поскорей чашу виил ты).

Размер мушакил:

Бизга иел, иел, йигит, бот бир аёқ сеи тут.

(К нам приди, приди, юиоша, поскорей чашу вина ты подай).

Ходжа Насир тоже в [своем трактате[«Мийару-л-ашъор» приводит этот круг. Показывая размеры метров жадид и мушакил, указывает, что эти размеры не употребляются. Алишер Навои круг, состоящий из этих девяти метров, приписывает себе, видимо, он не изучил «Мийару-л-ашъор».[24]

Итак мы освободились от изложения стопообразующих элементов, стоп основных и второстепенных, кругов и метров.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ТРАКТАТУ ОБ АРУЗЕ»

1. Термин буква в восточной просодии означает согласные и долгие гласные.
2. Легкий сабаб соответствует долгому слогу.
3. Бабур предупреждает, что «буквы» в данном случае понятие не графическое, а фонетическое.
4. Т. е. краткий и долгий слоги.
5. Т. е. долгий и краткий слоги.
6. Т. е. краткий, краткий и долгий слоги.
7. Т. е. краткий, краткий, краткий и долгий слоги.
8. Т. е. сверхдолгий слог.
9. Т. е. краткий и сверхдолгий слоги.
10. Т. е. краткий, краткий, краткий, краткий и долгий слоги.
11. Имеется в виду цезурообразный конец стопы внутри стиха.
12. Бейт состоит из двух полустиший (мисра). Первая стопа первого полустишия называется «садр», второго полустишия «ибтидо». Последняя стопа первого полустишия «аруз», а второго — «зарб». Стопы между садром и арузом, ибтидо и зарбом называются «хашв».
13. Тот же бейт, но с перестановкой слов.
14. В рукописи: хабаре.
15. Т. е. графически.
16. Т. е. фонетически.
17. В оригинале нет скобок.
18. В рукописи «мақом» вместо «муқаддам».
19. В рукописи «жазм».
20. В рукописи точка буквы зачеркнута.
21. Буквально: по дыханию.
22. Буквально: друг правоты.
23. Т. е. образуются от разнородных стоп.
24. Тут Бабур не совсем точен. Ср. Алишер Навоий, Мезон ул авзон, Критик текст, Тайёрловчи, И. Султонов, Тошкент, 1949, стр. 58.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

СОДЕРЖАНИЕ

Бабур

Книга 1

Лирика. Трактат об арузе

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1982

Редактор издательства И. К. Исаева
Художник С. Сагдуллаев
Техредактор Г. Г. Ломиворотова
Корректор З. Забровская
Сдано в набор 22.04.82. Подписано к печати 13 10 82.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага № 1. Гарнитура новая газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,88 + 9 вкл. Уч.-изд. л. 5.5.
Тираж 130000. Заказ № 3379. Цена 90 к.
Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства
ЦК Компартии Узбекистана, Ташкент,
ул. «Правды Востока», 26.

Б12

Бабур.

[Избранное] / [Сост. и авт. предисл. С. Хасанов; Отв. ред. А. Каюмов].— Т.: Изд. ЦК КП Узбекистана. 1982.

В надзаг.: АН УзССР, Ин-т рукописей им. Х. С. Сулейманова.

Кн. 1. Лирика. Трактат об арузе. 112 с.+9 вкл.

531

90 к.

بابر

I